

A lit candle in a dark, gothic-style setting. The candle is the central focus, with a bright flame and a wisp of smoke rising from it. The background is dark and textured, possibly a stone wall or a cave. The candle is in a dark, ornate holder.

*Я дождусь тебя в этом
мире*

Lusy Westenra

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мир, из которого можно уйти

Lusy Westenra

Я дождусь тебя в этом мире

«Автор»

2025

Westenra L.

Я дождусь тебя в этом мире / L. Westenra — «Автор»,
2025 — (Мир, из которого можно уйти)

Его отправили на Землю, чтобы исправить ошибку. Но никто не сказал Дмитрию, что куда страшнее — научиться жить с той пустотой, что возникла после исчезновения Луки. Чужой мир начинает становиться домом — тихо, незаметно, будто заполняя трещины в сердце. Только что делать с этим домом, если вернуться назад невозможно? Если никто не приходит за тобой? Если дверь, ведущая в прежнюю жизнь, закрылась навсегда? Дима ищет ответы в тех, кто окружает его сейчас, и в голосах прошлого, которые не отпускают. Это история о том, как чужой мир может стать единственным домом. И о том, что иногда путь домой начинается с принятия того, что его больше нет.

Lusy Westenra

Я дождусь тебя в этом мире

Я дождусь тебя в этом мире

Здание стояло на самом краю города, чернея под туманным небом, будто сама реальность старалась обойти его стороной.

Онисама остановился у входа, чувствуя под пальцами холод металлической двери. Он не позволил себе колебаться.

Рэй был внутри – он чувствовал это заранее. Слишком тихо, слишком напряжённо, слишком... неправильно.

Онисама сделал шаг, второй.

Внутри пахло сыростью и чем-то ещё – сладковато-отравленным, словно в воздухе висел тонкий след чёрного дыма.

Рэй стоял у дальней стены, напротив ряда огромных вертикальных капсул, расположенных по кругу. Пальцы его дрожали – редкость для человека, который всегда сохранял выражение каменной уверенности.

– Уже началось? – тихо спросил Онисама, подходя ближе.

Рэй кивнул. Лицо его было бледным, губы – прижаты в тонкую линию.

– Смотри сам.

Капсулы одна за другой наполнялись мягким зелёным светом – сигналом активации. По идее, внутри должен был быть мягкий крик... слабый писк... вдох новой жизни.

Но стояла тишина.

Онисама сделал шаг к первой капсуле. Наклонился.

Свет внутри дрогнул.

А потом... капсула дёрнулась.

И из неё вылилась чёрная, вязкая масса. Не жидкость, не дым – что-то между. Оно шлёпнулось на пол, затрепетало, зашипело, будто от боли, и начало подниматься, вытягиваться... формироваться.

Вторая капсула открылась.

Третья.

Четвёртая – и уже без остановки вся сотня, кругом, как по невидимому приказу.

Чёрная субстанция скатывалась на пол, поднималась, сгущалась, вытягивалась в силуэты. И вот – перед ними стояли сто взрослых людей – пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин. Нагие, идеальные... и совершенно чуждые.

И глаза.

Чёрные, как бездонная смола. Не просто тёмные – лишённые всего. Ни света, ни зрачка, ни выражения.

Они смотрели на Онисаму, на Инису. Смотрели так, будто видели не тела, не лица – а самую сущность.

И улыбались.

Жутко. Широко. Так, будто их губы двигались отдельно от остального лица.

Онисама застыл, не в силах сделать вдох.

И тут внутри головы донёсся шёпот.

Нечеловеческий. Слишком близкий – будто кто-то говорил прямо под черепом.

«Я верну тебе её...»

Хочешь увидеть её снова? Хочешь знать, что с ней?..»

Заклучи контракт...»

Онисама вздрогнул, резко приложил ладони к ушам – жест бессмысленный, но инстинктивный. Он сжал зубы, пытаясь вытолкнуть чужой голос.

– Замолчи... – прошептал он. – Заткнись!

Но голос только усиливался.

«Заклучи контракт, Онисама... и я дам тебе то, чего ты жаждешь...»

Внешний мир сжался до этих шёпотов, до черноты взглядов перед ним, до ощущения, что стены дышат.

Существа молчали. Они не произносили ни звука. Но улыбка у каждого становилась шире.

И вдруг одно из них – мужчина с угольно-чёрными глазами – шагнул назад. Его тело начало мерцать.

Расплываться.

Разрываться дымом.

Он исчез.

За ним – второе.

Третье.

Четвёртое.

Весь сотенный круг начал рассыпаться в облака тёмного дыма, будто их тела были всего лишь временными оболочками.

Когда последний исчез, шёпот оборвался.

Онисама наконец смог вдохнуть. Он повернулся к Инисе – тот побледнел до прозрачности.

– Нам... нужно в город, – жестко сказал он. – Сейчас же.

Мир вокруг треснул, и они перенеслись напрямиком в центр города Чистых.

Высокие башни, светлые стены, просторные площади – место, где уже больше года росло новое поколение. Здесь всё было упорядоченным, спокойным, чистым.

Сана стояла у окна большого здания, где находились дети. Она устало прислонилась к раме – день был долгим, мальчишки шумели, девочки спорили... обычная жизнь.

И тут она увидела нечто невозможное.

С неба, словно дождь, начали падать фигуры. Тени. Силуэты. Сто тёмных тел, стремительно летящих вниз.

Сана ахнула, отпрянула. Дети бросились к окнам.

И там, на площади, прямо перед входом... существа, падая, превращались в людей. Тех самых – с чёрными глазами, с улыбками, от которых мороз по коже.

Они стояли обнажённые, но это никого не смущало: слишком жуткие, слишком чужие, лишённые привычного запаха Чистых.

Онисама возник рядом с Саной – за ним Рэй и Иниса.

Город захлестнул шум. Чистые сбегались со всех сторон, рассматривая новоприбывших.

– Они не наши, – прошептал кто-то из старших Чистых. – Они... другое.

Рэй сделал полшага вперёд, напряжённо следя за каждым движением существ.

И в этот момент один из Чистых подошёл ближе всех: молодой парень, ещё неопытный, но любопытный. Он приблизился к женщине из новых, той, что стояла сбоку и улыбалась слишком широко.

– Я... согласен, – произнёс Чистый тихо, будто отвечал на вопрос, который никто не слышал.

Онисама резко обернулся.

– Стой!

Слишком поздно.

Женщина схватила Чистого за руку – и их тела одновременно рассыпались чёрным дымом, исчезая в воздухе, словно их и не было.

– Хватит! – рявкнул Онисама.

Он упал на одно колено, ладонью ударил в землю. В воздухе загудела энергия – древняя, тяжёлая, как сама основа мира. Он начал шептать заклинания, слова срывались с губ горячими ударами власти.

Под землёй вспыхнули линии.

Разошлись в стороны.

Сложились в огромную магическую печать – сияющую, угрожающую, живую.

Существа задёргались, сжались друг к другу, будто ощущая боль через несколько оболочек сразу.

И через миг... исчезли.

Все. Разом.

На площади остались лишь испуганные Чистые, дети, Сана, Рэй, Иниса... и Онисама, тяжело дышащий, с дрожью в пальцах.

– Онисама! Что это было?! Куда она утащила Кайрона?! – она указывала на Чистого парня, которого схватила та странная женщина. – Почему ты ничего не делаешь?!

Онисама стоял неподвижно, взгляд его был холоден и сосредоточен. Он медленно повернулся к ней, не выражая ни страха, ни гнева, лишь тихо произнёс:

– Пока мы не выясним, кто эти существа и опасны ли они, здесь им делать нечего.

Вокруг него воздух закрутился, лёгкий ветер обвивал здания, и постепенно, словно ползаясь невидимой паутиной, энергия начала создавать купол. Он расходился от Онисамы, охватывая весь город, а затем и планету. Ветер закручивался вокруг него, кружился, и тонкая энергия, едва видимая глазом, сплеталась в невидимый барьер.

– Ни одно существо, ни одна сила, ни одна планета не сможет прикоснуться к нам, – сказал Онисама, голос его был ровным, но каждое слово ощущалось как приказ самой вселенной. – Пока мы не разберёмся с этим явлением, никто не войдёт в наш мир без моего ведома.

Его глаза потускнели, и мысль, словно шёпот внутри, промелькнула у него в голове: Лука... снова создал то, что невозможно объяснить.

Онисама медленно повернулся и пошёл обратно к своей лаборатории, не обращая внимания на крики Саны. Она переглянулась с Рэй и Иниса, оба стояли неподвижно, словно оцепеневшие от происходящего.

Киросава, не выдержав, рванул вперёд, схватил Онисаму за плечо и заговорил почти с отчаянием:

– Ты дашь мне объяснение! Кто они? Что это за существа?

Но Онисама всего лишь дернул плечом, не обращая внимания на его слова, и продолжил идти.

Сана, Рэй и Иниса остались смотреть ему вслед, их сердца были сжаты страхом и недоумением. Кайрон исчез в руках женщины, растворяясь вместе с ней в черном дыму, и этот момент навсегда изменил их мир.

Невидимый купол над планетой ещё слегка дрожал от энергии, словно напоминая, что сила Онисамы теперь защищает их всех – но одновременно ставит невидимые границы, за которыми скрывается нечто неизвестное и опасное.

Вечером они собрались в баре у Рея. Деревянные балки потолка дрожали под легким ветром, свечи бросали тёплый свет на лица присутствующих. За общим столом сидели Сана, Киросава, Иниса, Кис и несколько других Чистых из первого поколения. Вокруг медленно собирались более молодые Чистые, осторожно прислушиваясь к их разговору, словно боясь вмешаться.

Сана, не отрывая взгляда от стола, заговорила:

– Мы не можем больше ждать. Онисама с каждым часом становится хуже. Если мы ничего не сделаем, он полностью уйдёт в безумство.

Иниса опустил глаза, сжимая кулаки:

– Я думал, что после того события хоть немного придет в себя. Но я наблюдал за ним три часа... Он почти не разговаривает ни с кем, кроме Люсиль. А она в полумертвом состоянии. Если ещё немного... – он замолчал, слова застряли в горле. – Мы не сможем его вернуть.

Киросава нахмурился, сжав пальцы на краю стола:

– Может быть, стоит погрузить его в сон? Пока не найдём способ восстановить Люсиль. А потом будем разбираться со всем остальным.

Сана кивнула, медленно вздыхая:

– Да... Главное – восстановить Люсиль. Если Онсама сможет очнуться в нужный момент, он сам объяснит, что произошло, и мы разберёмся.

Медленно они пришли к общему решению. Несколько Чистых тихо переглянулись, а затем встали и направились вслед за ними, не нарушая тишины.

Когда они пришли в лабораторию, Онисама сидел рядом с Люсиль, склонившись над её телом. Он аккуратно гладил её по руке, шепча слова, которые слышал только она. В комнате витала тревожная тишина, будто время замерло.

Иниса подошёл сзади. Его взгляд был сосредоточен, движения точны и осторожны. Он поднял руку, прикоснулся к голове Онисамы силой Вектора. Мгновение – и дыхание Димы стало ровным, глаза закрылись, тело расслабилось.

Люсиль осталась в полумертвом состоянии, но хотя бы Онсама больше не метался между безумием и отчаянием.

Сана и Киросава наблюдали за происходящим в молчании. Их сердца сжимались, но они знали – это был единственный способ сохранить шанс на спасение.

За окнами ночного неба мерцали звёзды, будто наблюдая за этой странной тишиной в лаборатории, где судьба Онисамы и Люсиль зависела от решений, принятых всего лишь несколькими Чистыми.

Прошло десять лет. За это время Сана не раз навещала Онисаму и Люсиль. Их поместили в ледяные капсулы, которые замедляли жизненные процессы, и она следила за каждым изменением. Иниса давно не появлялся на планете, полностью погрузившись в работу над восстановлением тел и разума Онисамы и Люсиль. Он проводил дни и ночи над формулами, вычислениями и экспериментами, пытаясь найти способ вернуть им нормальное существование. Киросава же приходил почти каждый день: менял одежду, приносил еду, аккуратно очищал их тела водой и бумагой, следил за их внешним видом.

Сана проводила дни в изучении квартир Онисамы и Люсиль, перебирая документы, формулы и записи. Она нашла дневник Люсиль – последние страницы, где девочка описывала, как поняла, что она – Лука. Сначала Сана не знала, как реагировать на это открытие. Но годы медленно выстраивали её внутреннее спокойствие. Она начала принимать этот факт, потом задумалась о прощении Луки, осознавая, что без него Онсама не был бы тем, кого она знала.

Жизнь на планете текла своим чередом. Новое поколение росло, заботы старших Чистых оставались прежними. Для многих трагедия Люсиль и Онисамы была болезненной, но постепенно их судьбу начали романтизировать.

И вот однажды Иниса, погружённый в свои формулы, наконец нашёл решение: формулу, которая могла восстановить тела и сознание Люсиль. Но чтобы это сработало, Люсиль нужно было превратить в младенца. Он немедленно сообщил об этом Сана.

– Если мы хотим вернуть её... – начала Сана, не отрывая взгляда от капсулы с Люсиль, – нужно действовать сейчас.

Иниса продолжил:

– Пока Люсиль будет расти, она уязвима. Лучше, если Онисама станет младенцем одновременно с ней. Тогда их психика и развитие будут идти параллельно.

Сана кивнула:

– Верно. Это смягчит процесс.

– Кроме того, – добавил Иниса, – Онисама и Люсиль хотели жить на Земле. Их последнее желание – быть там вместе.

– Нет! – вскрикнул Киросава, резко вскакивая со стула. – Земля – дикое место! Что они там будут делать? Это опасно!

Тут вызвались Матисс и Ли, вместе со своими девушками. Они уверенно шагнули вперед:

– Мы можем помочь. Мы готовы жить на Земле и присматривать за Онисамой и Люсиль. Для нас это не критично: год тут для нас – это сто лет на планете Земля. Мы хотим этого.

Киросава сжал кулаки, но желание защитить Люсиль и Онисаму сдерживало его.

– Если они едут туда... я тоже пойду. Я не могу оставить их одних.

Иниса поднял руку, заставив всех замолчать:

– Давайте обдумаем. Каждый выскажет мнение, но решение должно быть коллективным.

В течение нескольких часов они обсуждали, спорили, делились страхами и надеждами. И в конце концов пришли к общему мнению: Люсиль и Онисама получают шанс быть вместе, несмотря на все трудности. Киросава останется на планете, чтобы не разрушить эмоциональный процесс взросления Онисамы и Люсиль. Матисс и Ли, вместе с девушками, примут участие в переезде на Землю, видя это как приключение, возможность испытать что-то новое.

Сана вздохнула и улыбнулась, немного устало, но с решимостью:

– Пусть это будет их шанс. Пусть они начнут заново.

И все поняли: путь вперед не будет лёгким, но это был единственный шанс вернуть Люсиль и дать Онисаме возможность снова стать самим собой.

Капсулы открывались одна за другой, и ледяной пар слегка рассеивался в воздухе. Онисама лежал в своей капсуле, тихо спал, маленькое лицо безмятежное и удивительно красивое. Сана не раздумывая схватила его на руки – малыш казался ей удивительно послушным, даже не издавал ни звука. Она прижала его к себе, словно к дорогой игрушке, и улыбнулась.

– Ах, какой же ты... спокойный, – прошептала она, поглаживая маленькую ручку.

Когда открылась капсула Люсиль, все напряглись. На месте девушки оказался мальчик. Маленький Лука. Он спал, но в его лице угадывалась та же необычная сила, что и в Люсиль. Чистые вокруг задержались, словно боясь нарушить что-то важное, никто не решался взять малыша на руки.

– Что же... с ним делать? – прошептал кто-то из первого поколения, разглядывая его с осторожностью.

И тут из толпы выступила Мина. Высокая, с длинными черными волосами и карими глазами, она шагнула вперед и мягко растолкала собравшихся.

– Он же всего лишь ребенок! – сказала она, с легкой насмешкой в голосе. – Чего вы так боитесь?

Сана закатила глаза:

– Ты не помнишь, как этот ребенок... вернее, этот Лука, издевался над тобой.

– Сана, – перебила Мина, – он же малыш. Ему нужно тепло.

И, не дождавшись согласия, Мина осторожно взяла Луку на руки. Малыш вяло пошевелил губами, словно пытаясь проснуться, но тут же снова замер, спокойно устроившись в ее объятиях.

Собравшиеся вокруг Чистые переглянулись, кто-то сдержал вздох облегчения, кто-то – удивление. Но было ясно одно: теперь оба они – Онисама и Лука – начинали новую жизнь, крошечные, беспомощные, но уже окруженные заботой и вниманием.

Иниса собрал всех старших чистых вокруг. Его глаза скользнули по собравшимся, и он спокойно, но твердо сказал:

– Если мы хотим, чтобы они все нормально развивались на Земле, нам нужно, чтобы Ли, Айсу, Матисс и его девушка тоже прошли через трансформацию в младенцев. Тогда все будут расти вместе, одинаково. Их воспоминания останутся, они будут помнить друг друга, но детское тело поможет им привыкнуть к жизни на Земле и сохранит безопасность – ведь никто не тронет маленьких детей.

Сана, Кирасава и остальные переглянулись, понимая смысл слов Инисы. И правда, это было разумно. Дети в безопасной оболочке, без риска для жизни, но вместе.

Ли и Айсу, Матисс и его девушка кивнули. Они понимали, что это не наказание, а шанс. По очереди они легли в капсулу. Мягкий свет окутал их тела, и вскоре рядом с уже спящими младенцами Онисамы и Люсиль появились новые крошечные фигурки: Ли и Айсу держались за руки, Матисс и его девушка тихо сопели, согнувшись на мягких матрасиках капсулы.

Старшие чистые бережно перенесли всех младенцев в большую межпространственную капсулу. Сана держала на руках Онисаму, Мина – Луку, а Иниса аккуратно контролировал магию, чтобы трансформация прошла без осложнений. Капсула слегка задрожала, словно ощущая всю важность момента, затем запылала мягким голубоватым светом.

Через мгновение они уже оказывались в новом мире – на Земле.

Капсула мягко приземлилась среди густого леса, где-то в западносибирских землях.

Внутри остались Мина и ещё две старшие чистые девушки, которые следили за младенцами, укачивали их, следили, чтобы никто не упал и чтобы они были в безопасности. Младенцы спали, кто-то тихо ворочался, кто-то слегка плакал, но все оставались в безопасности под присмотром.

Тем временем Сана и Иниса расправили свои крылья и взлетели в небо, оставив младенцев в капсуле. Они отправились на поиски подходящих семей, которые смогут принять малышей. На Западе, в небольшом городке, они нашли семью местных правителей: мужчина и женщина молились богам о ребёнке, и, кажется, женщина была бесплодна. Сана и Иниса переглянулись – это подходящая семья для Онисамы и Люсиль: обеспеченная, внимательная и готовая заботиться о детях.

На Востоке они обнаружили обеспеченного императора с множеством дочерей. Он молился о наследнике-мальчике. Сана и Иниса решили, что Ли и Айсу смогут спокойно жить в такой многодетной семье, ведь они будут помнить друг друга и смогут адаптироваться к новым условиям.

На Юге, в районе Африки, они нашли ещё одну семью местных правителей, куда можно было поместить Матиса и его спутницу – это была обеспеченная семья, где дети могли безопасно расти.

Вернувшись в капсулу, Сана и Иниса поделились своими решениями с Миной и двумя другими старшими чистыми.

Сана плотно прижала к себе Онисаму, Иниса держал на руках Ли и Матисса одновременно. Три другие чистые девушки следовали чуть позади: Мина держала Луку, ещё одна – Айсу, последняя – девушку Матисса. Все младенцы были тихими, почти спали, их маленькие тела казались невероятно хрупкими в руках опытных наставников.

Сана и Иниса расправили крылья, Три девушки сзади осторожно держали младенцев, стараясь не терять равновесия.

Вдруг впереди, среди деревьев, мелькнули движения. Люди. Охотники. Они подумали, что видят гигантских птиц, и мгновенно натянули тетиву арбалета. Металлические стрелы свистели в воздухе, целясь прямо в летящую группу.

– Стойте! – крикнула Сана, ощущая, как холодный страх пробежал по спине, – трансгрессируем!

Сана и Иниса мгновенно среагировали, сдвинули пространство вокруг себя, и вместе с Онисамой, Ли и Матиссом исчезли, как будто растворились в воздухе, перенесясь на запад, в безопасное место.

Но три девушки с младенцами, оставшие на мгновение, запаниковали, и трансгрессировать обратно в капсулу. Мина сжимала Луку к себе, защищая его. И тут она почувствовала – маленькая стрела из арбалета пронзила лопатку Луки насквозь. Мина завизжала, пытаясь достать её, сердце колотилось, руки дрожали.

– Нет... нет, нет! – кричала она, пытаясь оказать младенцу первую помощь.

И вдруг произошло невозможное. Луку окутал мягкий белый свет, который начал исходить из его тела. Мгновение – и свет потух, а на руках у Миной уже лежала Люсиль – девочка, совершенно живая и без единой царапины. Мина стояла, застыв, не веря своим глазам, обхватывая девочку руками и глядя, как чудо произошло прямо на её глазах.

– Это... это невозможно... – шептала Мина, осматривая девочку, пока вокруг шумел лес и рассеянный свет проливавшегoся дня.

Топот лошадей донёсся сквозь густой лес. Капсула, в которой находились младенцы, была укрыта между деревьями, но шум заставил Мину и две другие чистые девушки напрячься. Не раздумывая, они собрали всю свою силу и перенесли капсулу в другое место – тоже в лесу,

севернее, примерно на три километра. Они не разбирались в земле, просто переместили капсулу куда-то, где, как им казалось, её не смогут найти.

Когда Сана и Иниса вернулись, расправив крылья и сканируя лес сверху, их взгляды застыли: капсулы на прежнем месте нет. Они переклянулись, мгновение ошарашенные, но быстро сосредоточились. В руках у них были младенцы – времени искать пропавшую капсулу не было. Питания и одежды для детей тоже не было. Решение пришло мгновенно: нужно как можно скорее передать младенцев людям, которые смогут за ними ухаживать.

Сана и Иниса направились на запад. Сана появилась на балконе деревянного двухэтажного дома местных правителей. Сначала родители-опекуны замерли в шоке: перед ними стояло существо с огромными крыльями и странной одеждой. Но когда Сана положила младенца – Онисаму – на кровать, а сама отошла, мужчина и женщина задержали взгляд на ребёнке. Женщина осторожно взяла его на руки, прижала к себе, и Сана поняла: их приняли. Она обернулась и с тихим удовлетворением улетела в небо.

Дальше путь лежал на восток. Сана передала младенца императору, который был окружён своей свитой. Сначала он кланялся ей долгими поклонами, повторяя слова восхищения и благодарности: будто Сана была богиней, посланной дать ему наследника, за которого он молился долгие годы. Она лишь улыбалась, слегка сбитая с толку: язык людей был для неё чужд, и она понимала лишь суть – император принял младенца.

На юге Сана совершила то же самое с Матиссом, передав его семье, после чего вернулась на место, где раньше стояла капсула. Вместе с Инисой они начали осторожно обследовать лес, размахивая крыльями и сканируя каждое укромное место.

Спустя почти сутки поисков, в трёх километрах от исходной позиции, они нашли капсулу, спрятанную в густых кустах. Мина с двумя другими чистыми девушками уже сидела рядом с ней, охраняя троих младенцев. Среди них не было Луки – вместо него на руках Мины спала Люсиль, девочка с невинным, спокойным лицом, которое казалось слишком взрослым для своих лет, даже в младенческом теле.

Сана и Иниса переглянулись: все младенцы были в безопасности. Первая часть миссии на Земле завершилась – теперь оставалось лишь отдать детей тем, кто сможет их любить и заботиться о них, пока они растут и привыкают к новому миру.

Сана и Иниса, пролетев вдоль лесов, наконец нашли капсулу, спрятанную в кустах. Она была закрыта, но все младенцы в ней были живы и в безопасности. Сана осторожно заглянула внутрь, проверяя, все ли в порядке.

Тут Мина подошла к ней и объяснила: «После того как Луку поразила стрела, он... он превратился в Люсиль». Сана недоверчиво моргнула, наблюдая за младенцем, который теперь

был девочкой. «Стрела... так сильно повлияла на него?» – тихо пробормотала она. Мина кивнула: «Похоже, ранение как-то активировало изменения, превращение снова сработало, и теперь он – Люсиль».

Сана задумалась. Это было странно, непостижимо и одновременно тревожно. Она аккуратно взяла Люсиль на руки, держа девочку близко к себе, чтобы защитить от любого резкого движения.

Тем временем, прошли почти сутки с момента, как Сана и Иниса начали поиски капсулы. Капсула внезапно начала мягко светиться изнутри – это был сигнал, что пора возвращаться на свою планету.

Сана и Иниса, пролетев вдоль лесов, наконец нашли капсулу, спрятанную в кустах. Она была закрыта, но все младенцы в ней были живы и в безопасности. Сана осторожно заглянула внутрь, проверяя, все ли в порядке.

Тут Мина подошла к ней и объяснила: «После того как Луку поразила стрела, он... он превратился в Люсиль». Сана недоверчиво моргнула, наблюдая за младенцем, который теперь был девочкой. «Стрела... так сильно повлияла на него?» – тихо пробормотала она. Мина кивнула: «Похоже, ранение как-то активировало изменения, превращение снова сработало, и теперь он – Люсиль».

Сана задумалась. Это было странно, непостижимо и одновременно тревожно. Она аккуратно взяла Люсиль на руки, держа девочку близко к себе, чтобы защитить от любого резкого движения.

Тем временем, прошли почти сутки с момента, как Сана и Иниса начали поиски капсулы. Капсула внезапно начала мягко светиться изнутри – это был сигнал, что пора возвращаться на свою планету.

Свет капсулы усилился, обволакивая всех мягким сиянием. Через мгновение они исчезли с Земли, направляясь обратно на свою планету, чтобы безопасно завершить миссию и обеспечить младенцам спокойное возвращение к их миру.

Глава 1

На рассвете в небольшом доме у подножия гор, на Западе, солнце мягко освещало деревянный двор. Мужчина и женщина стояли на крыльце, прислонившись друг к другу. В руках они держали младенца – необычного мальчика с ярко-голубыми глазами и черными, как смола, волосами.

«Он... он такой особенный», – тихо произнесла женщина. Её голос дрожал от радости и волнения. «Я чувствую, будто боги слышали наши молитвы. Наконец-то у нас есть ребенок».

Мужчина улыбнулся и погладил младенца по мягкому лбу.

Он обвел взглядом комнату – простую, но уютную, где маленькая кроватка стояла у окна, а солнечный свет касался яркой ковровой дорожки на полу.

Мальчик был необычным не только внешне. В его маленькой голове уже жили воспоминания взрослого человека – ум, опыт, ощущения, которых ни один обычный младенец не мог иметь. Он смотрел на родителей с тихой любопытной улыбкой, словно понимал каждый жест, каждое слово.

Первые три года прошли спокойно, но насыщенно. Каждое утро отец учил его держать голову, держать игрушки, пробовать садиться, пытаться ползти. Мать занималась тем, чтобы малыш учился ходить, подталкивая его к первым неуверенным шагам.

По вечерам они укладывали его в кроватку, мягко прижимая к себе, пока он засыпал. Он смотрел на их лица, на их тепло, но в мыслях у него уже было слишком много понимания – понимания мира, людей, себя.

«Смотри, он сегодня снова сделал несколько шагов!» – радостно воскликнула мать, когда малыш, держа баланс на двух ногах, прошел несколько метров к игрушке.

«Да, наш звездный мальчик», – ответил отец, с улыбкой наблюдая за тем, как его сын открывает для себя мир шаг за шагом.

Мир вокруг него был простым и безопасным, наполненным запахом дерева и свежего хлеба, смехом и нежностью. Но внутри маленькой головы Онисамы уже рос взрослый человек – умный, наблюдательный, готовый к испытаниям, которые однажды придут.

И каждый вечер, когда солнце клонилось к закату, родители прижимали мальчика к себе и шептали ему сказки о звездах, о богах, о чудесах. Мальчик слушал, кивал, но уже понимал больше, чем они могли себе представить.

Так начиналась жизнь Онисамы на Земле – жизнь, в которой он должен был расти как обычный ребенок, но помнить и ощущать все, что было у взрослого человека.

Родители дали мальчику имя Дмитрий. Они любили его и растили с трепетом, обучая всему, что знали сами, и готовя к тому, что он станет будущим правителем их небольшой страны.

Каждый день был наполнен заботой: отец учил его ходить и держать равновесие, мать – говорить, распознавать цвета, запоминать простые правила поведения. Они следили за каждым его движением, радовались каждому новому слову, каждому шагу.

Но по вечерам, когда Дмитрий оставался один в своей комнате, когда не было занятий и игр, он садился у окна. Его маленькие руки опирались на подоконник, а глаза смотрели в бескрайнее небо. Внутри же в голове, в мыслях взрослого человека, звучали совсем другие вопросы:

Где ты, Люсиль? Что с тобой случилось? Как я оказался здесь, на Земле, среди людей? На Земле ли ты, Люсиль?

Он понимал, что сейчас он всего лишь ребенок – его тело ограничено возрастом, сила скрыта, но разум не спит. Он знал, что должно пройти его седьмое лето, чтобы истинные способности пробудились. И тогда он сможет выбраться из-под опеки людей, использовать то, что он уже помнит и знает, и начать свои поиски Люсиль.

Пока же он сидел у окна, тихо наблюдая за солнцем, уходящим за горизонт, и за звездами, которые медленно загорались на темном небе, словно шепча ему о том, что всё еще впереди – всё, что он потерял, и всё, что он должен найти.

У отца Дмитрия был брат – человек амбициозный, властолюбивый. У него уже был сын, Сиэль, и именно на него он возлагал надежды наследника, будущего правителя. Но с появлением Дмитрия всё усложнилось.

Отец (Сижля) постоянно настраивал Сиэля против двоюродного брата. Когда они учились стрелять из лука, Сиэль невольно целился то в Дмитрия, то в стороны, словно пытаясь его ранить, даже если не осознавал это полностью. Дмитрий же оставался спокойным. Он понимал: здесь не детская игра, а борьба за власть. Его собственная цель была совсем другой – найти Люсиль и понять, как вернуться к ней.

Сиэля раздражало то, что двоюродный брат, такой холодный и невозмутимый, смотрит на него свысока, хотя ростом был ниже. Это же раздражало и его отца. Он не раз напоминал брату – отцу Дмитрия, что мальчишка неродной и, следовательно, никогда не сможет быть правителем.

На это отец Дмитрия отвечал просто, но твёрдо: «Если боги послали этого младенца сюда, значит, ему суждено править этой страной». Так, в доме царила тихая напряжённость: воспитание, обучение, тренировки – всё было окрашено скрытой борьбой за власть, за наследие, за право называться будущим правителем.

Дмитрий же в такие моменты всё чаще уходил в свои мысли. Он видел, как мелкие интриги и амбиции взрослых переплетаются с детскими играми и соперничеством

Сиэль зашёл в комнату Дмитрия, держа в руках небольшой кинжал. Ему было тринадцать лет, он уже начинал осознавать, что скоро станет наследником трона, и чувствовал себя вправе проверять всех вокруг. Дмитрию же было всего шесть, но в его глазах и поведении уже читалась зрелость взрослого человека, опыт и холодная рациональность, которой Сиэль не мог даже подозревать.

– Давай дружить, – сказал Сиэль, выставляя нож напоказ, – я научу тебя бросать ножи. В дерево.

Дмитрий лишь пожал плечами. Он знал, что это не просто игра. Вся эта «дружба» была маской для проверки, попыткой навредить.

Они вышли на двор. Солнце освещало ограду, в землю были воткнуты старые, потрескавшиеся доски – идеальная мишень. Сиэль делал вид, что показывает технику, но его движения были слишком резкими, слишком хитрыми. В один момент нож пролетел слишком близко от ноги Дмитрия, другой раз – отскочил и вонзился в землю чуть в сторону от него.

– Ты чужой, – говорил Сиэль между бросками. – Ты не наш. Тебе здесь не место.

Дмитрий молчал, наблюдая, как мальчик злится всё сильнее. Он понимал мотивацию: Сиэль хотел власти, хотел отторжения Дмитрия, хотел почувствовать себя сильнее.

И вот, когда нож уже почти задел его, Дмитрий резко встал. Он взял Сиэля за руку, в которой тот держал кинжал, и с необычайной твёрдостью сказал:

– Не беспокойся. Меня скоро здесь не будет. Ты получишь власть и всё, что хочешь... только оставь меня в покое.

Сиэль замер на мгновение. Его глаза загорелись от возмущения – такой маленький мальчишка говорил, словно взрослый человек. И чем дольше он смотрел на Дмитрия, тем больше его бесило: дерзость, холод, осознание собственного превосходства в разуме, а не в возрасте.

Дмитрий просто отвернулся и ушёл. Сиэль остался стоять на месте, сжимая кинжал, зубы сжав в злой гримасе. В этот момент в его сознании возникло чувство тревоги и непонимания – кто же на самом деле этот ребёнок, который говорит и думает как взрослый?

Вечером, когда солнце уже скрылось за горизонтом и мягкий свет лампы наполнял комнату, дверь открылась, и мама Димы тихо вошла. Она подошла к кровати, где сидел мальчик с черными волосами и голубыми глазами, и обняла его.

– Знаешь, моя звездочка... – начала она мягким голосом, – я видела, что Сиэль сегодня жестоко играл с тобой. Он... он пытался тебя ранить ножом.

Дима молчал. Его взгляд был спокойным, почти взрослым, и никак не выдал внутреннего волнения.

– Мы тебя очень любим, – продолжала мама, глядя его по голове, – но ты всегда молчишь, отвечаешь коротко, иногда загадочно. Мы хотели бы побольше узнать о тебе, чтобы быть ближе.

Дима тихо взглянул на неё, потом опустил глаза.

– Скоро я должен уйти, – сказал он ровным, спокойным голосом, – когда мне исполнится семь лет.

Мама сделала шаг назад, сжимая ладони:

– Куда же ты уйдешь? Ты же всего семилетний мальчик... Я не отпущу тебя.

– У меня есть дела, – ответил Дима спокойно. – И я извиняюсь... за то, что так вышло, за то, что не смог стать настоящим сыном. Но я сделаю вам один подарок, когда мне исполнится семь лет, в знак благодарности за все, что вы для меня сделали.

– Подарок? – переспросила мама, встревоженно нахмурившись.

– Да, – сказал Дима, тихо улыбнувшись, – но пока рассказывать не буду.

Мама попыталась его отговорить, попыталась вложить в слова страх и тревогу:

– Но есть же вещи... разве нельзя подождать?

– Нет, – сказал он твердо, – есть вещи, которые гораздо важнее всего на свете.

Она посмотрела на него, её глаза наполнились слезами, но она понимала, что спорить бесполезно. Мама наклонилась, поцеловала его в лоб и тихо вышла из комнаты, направляясь к комнате отца.

Дима остался один, лег на кровать и посмотрел в темное окно. Внутри него тихо бурлили мысли о будущем, о том, что должно произойти, о Люсиль и о делах, которые ждали его. Он глубоко вздохнул и, словно сдерживая целый мир эмоций, закрыл глаза, погружаясь в сон. Снаружи медленно падал снег, укрывая землю мягким белым покрывалом. В доме воцарилась тихая, почти праздничная атмосфера: свечи на столе горели, их мерцающий свет отражался в стеклах окон, создавая ощущение тепла и уюта. Завтра Диме должно было исполниться семь лет, и мысли родителей были заняты подготовкой к его дню рождения.

В зале, за большим деревянным столом, они сидели напротив друг друга. Мать аккуратно перебирала маленькие серебряные шкатулки с драгоценностями, а отец задумчиво глядел на мерцающие огоньки свечей.

– Думаю, – начала мать тихо, – мы подарим ему фамильную драгоценность. Подвеску на шею, очень дорогую... Чтобы помнил, что он часть нашей семьи, что он важен для нас.

Отец нахмурился.

– Подвеску? – переспросил он с недовольным оттенком в голосе. – Ты серьезно? Он ведь скоро уйдет, как ты сама говорила два месяца назад!

Мать вздохнула, слегка опустив глаза.

– Я знаю... Он тогда сказал мне, что когда ему исполнится семь лет, он уйдет. Я пыталась что-то сказать, но... Ты знаешь, он даже не слушает. Он живет в своем мире, в своей голове.

– Ну и что? – отец поднял голос. – Ты хочешь просто отпустить его? Это твой сын! Никуда он не пойдет, и точка. Я ни за что не позволю.

– Я не говорю, что мы должны просто стоять и смотреть, – мягко ответила мать, – но мне кажется, что в этой ситуации, каким бы ни был наш контроль, он уйдет сам. И если мы попробуем удерживать, – она сделала паузу, – он просто сбежит.

Отец стукнул ладонью по столу:

– Слушай, я не хочу слышать этого! Он наш сын, и здесь, под нашим кровом, он останется. Я не позволю, чтобы какая-то его тайная прихоть разрушила все, что мы строили.

Мать посмотрела на него, словно пытаясь найти правильные слова:

– Ты думаешь, что есть польза говорить с ним? – тихо произнесла она.

– Я его остановлю, – твердо сказал отец. – Каким бы он ни был внутри, я буду рядом.

– Я просто... – мать замялась, слегка поникла, – я люблю его. Мы оба любим его. И я хочу, чтобы он был счастлив. Если он уйдет, если он уйдет ради того, что ему нужно... я знаю, что ему это важно.

В этот момент дверь столовой открылась, и Дима тихо вошел. Его маленькая фигурка на фоне свечей казалась хрупкой, почти незаметной. Он медленно прошел между столом и стеной, словно осознавая напряжение, которое витало в комнате.

– Дима, – сказала мать, поднимаясь с кресла, – мы тут только обсуждали твой день рождения...

Дима молча подошел к столу, его глаза, голубые и глубокие, смотрели прямо на родителей. В его взгляде было что-то взрослое, непостижимое для двух обычных людей.

– Завтра мне будет семь, – сказал он тихо, ровно и спокойно, – и есть вещи, которые я должен сделать.

Отец нахмурился и сделал шаг вперед, но мать мягко положила ему руку на плечо, как будто хотела смягчить напряжение.

– Мы любим тебя, Дима, – сказала она снова, – и хотим быть рядом, чтобы помочь... Но что бы ни случилось, знай, что для нас ты всегда будешь нашей звездочкой.

Дима кивнул, не прерывая взгляда.

– Я знаю, – сказал он тихо, – и я благодарен. Но есть дела, которые важнее всего на свете.

Мать слегка вздохнула, а отец сжал кулаки, чувствуя противоречие между любовью к сыну и желанием удержать его здесь.

Дима спокойно повернулся и направился к окну, где падал снег, и его маленькая фигура на фоне зимнего пейзажа казалась одновременно хрупкой и сильной.

Его лицо оставалось спокойным, почти безмятежным, но в глазах появилась тяжёлая решимость – та, что никогда не бывает у обычного ребёнка.

– Есть ещё коечто, – сказал он тихо.
Родители одновременно подняли головы.

– Завтра я... перерожусь, – объяснил он ровным голосом. – В новую сущность. Так устроена моя природа. Когда мне исполнится семь лет, во мне проснутся силы, которые сейчас спят.

Отец нахмурился, мать будто побледнела.

– Что ты имеешь в виду, Дима? – спросила мать, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Дима подошёл ближе.

– Завтра у меня поднимется температура. Я буду чувствовать жажду... крови. И чтобы не случилось жертв, я прошу вас заранее принести мне кровь животного. Любого. Это поможет мне удержать себя и не навредить никому.

Слова повисли в воздухе тяжёлой тишиной.
Мать медленно опустила на стул, прижав ладонь к губам.
Отец замер так, словно перестал дышать.

– Кровь?.. – прошептала мать. – Но... Дима... ты же... Ты наш мальчик...

– Я и есть ваш мальчик, – спокойно кивнул он. – Но моё тело – не человеческое. Я не смогу изменить того, что должно произойти. Я просто хочу предупредить и защитить вас.

Дима посмотрел на них с той странной смесью детской внешности и взрослой мудрости, что всегда пугала и одновременно притягивала.

– Но есть и другое, – продолжил он. – Я могу сделать вам подарок. Единственный подарок, который способен дать.

Родители переглянулись, всё ещё пытаясь осознать услышанное.

– Какой... подарок? – спросил отец глухо.

– Я могу сделать так, чтобы вы никогда не болели, – сказал Дима, – и чтобы вы жили... столько, сколько сами захотите. Долго. Очень долго.

Мать невольно встала.

– Это невозможно...

– Возможно, – мягко перебил он. – Но взамен вам придётся иногда пить кровь живых существ.

Он сделал шаг к ним, маленький, но уверенный:

– Если вы хотите такой судьбы – я завтра готов одарить вас вечной жизнью.

Родители стояли в полной тишине.

Снег падал за окнами.

Свечи тихо потрескивали.

А между ними стоял шестилетний мальчик с глазами древнего существа, предлагая им бессмертие.

Ночь была тихой, за окном снег медленно опускался на землю. Огонь в камине потрескивал, бросая тёплый свет на стены, но холод, который пронзил их сердца после слов сына, не уходил. Мать села у окна, скрестив руки на коленях, отец стоял у камина, держа подбородок в ладони, как будто пытался согреть мысли.

– Ты понимаешь, что он сказал? – прошептала мать, не отводя взгляда от тёмной улицы за окном. – Он... предлагает нам... бессмертие. И при этом требует... кровь. Живых существ.

Отец тяжело вздохнул, повернулся к ней:

– Я понимаю, что он не обычный ребёнок. Я это понимал с того дня, как впервые его увидел. Но это... Это слишком. Сколько жизней мы должны будем нарушить, чтобы это принять?

– Он сказал – любых существ. – Мать подняла глаза, в которых бликовал страх и любовь одновременно. – Он хочет, чтобы мы жили.

Мать закрыла глаза, пытаясь усмирить тревогу, что свивалась в груди змейкой:

– Я люблю его. Но всё это настолько странно, непостижимо. Как принять, что мой сын, шесть лет всего, способен дать нам вечность, но... – она замолчала, стиснув пальцы.

– Я думаю... – отец глубоко вдохнул. – Я думаю, что это шанс. Не просто жить долго. Не просто бессмертие. Но шанс быть рядом с нашим сыном, несмотря ни на что.

– Значит... завтра мы дадим ему согласие, – прошептала мать, сжимая руки, – и будем с ним рядом.

Отец взял её за руки, мягко, но твёрдо:

– Пусть это будет нашим выбором.

И они сидели вместе, слушая треск огня, затаив дыхание, словно мир вокруг замер в ожидании того, что принесёт утро. Их сердца были полны тревоги, но и готовности принять невероятное. Они знали – завтра их жизнь изменится навсегда.

Он проснулся от жара.

Не просто жара – огня, будто всё внутри него воспламенилось. Лоб горел, дыхание было рваным, а кожа покрылась испариной. Дима медленно открыл глаза: потолок поплыл в тумане, стены казались слишком яркими, а удары сердца – слишком громкими.

Воздух пах поновому. Сильнее. Слишком сильно.

И среди всех запахов – один, самый притягательный, самый нужный: кровь.

Он резко сел, но тело пошатнулось. Родители сидели рядом – всю ночь не отходили – и сразу подались к нему.

– Дима... – прошептала мать, тревожно касаясь его плеча. – Ты... как ты себя чувствуешь?

Он не ответил. Только посмотрел на неё – и понял, что слышит её сердце. Каждый удар. Каждую вибрацию крови в венах.

Ему стало страшно: не за себя – за них.

Отец тихо выдохнул, словно собираясь с силами, и сел ближе, почти на край постели.

– Я вижу, – сказал он хриплым голосом, – что тебе... тяжело. И понимаю, что тебе нужна кровь.

Он посмотрел на жену, она кивнула, побледнев, но уверенно.

– Дима... возможно... моя кровь подойдёт лучше, чем кровь животного.

Мать вскрикнула тихо, но не возразила.

Дима поднял взгляд – глаза были уже не совсем человеческие, янтарные, глубоко светящиеся.

– Если я укушу тебя... – произнёс он медленно, будто боялся каждого собственного слова, – пути назад не будет.

Он сжал пальцы в простыне.

– Либо ты умрёшь от потери крови... либо мне придётся обратить тебя. И тогда ты... изменишься. Это будет уже другая жизнь.

Отец посмотрел ему прямо в глаза. Твёрдо. Спокойно. И в его взгляде не было страха – только решимость.

– Мы с твоей матерью поговорили, – сказал он. – Долго. И решили... что готовы.

Он протянул руку, положил её на плечо сына.

– Мы принимаем твой дар. Мы хотим жить рядом с тобой. Как можно дольше.

У матери дрожали руки, но она села рядом с Димой, обняла его за спину, притянула к себе.

– Ты наш мальчик... – прошептала она. – Наш звёздный мальчик.

Она прижалась лбом к его виску.

– Если это твоя судьба – то и наша тоже. Мы сами выбираем идти рядом. Не бойся.

Дима закрыл глаза. Он чувствовал их любовь – слишком ярко, слишком честно. Это больно. Это сладко. Это страшно.

– Хорошо... – прошептал он, голос дрогнул. – Тогда... я сделаю это.

Он поднял взгляд на отца:

– Но вы оба должны знать: после этого вы не будете прежними.

– Мы уже не прежние, сын, – сказал отец. – С того дня, как ты появился.

Дима вдохнул глубоко – и жажда крови рванула в груди, словно зверь, срывающийся с цепи. Он наклонился к шее отца...

И мир вокруг замер в тишине.

Сердце его билось так громко, что казалось, будто оно перекрывает весь мир. Он чувствовал каждую каплю крови, пульсирующую в венах отца. Аккуратно, почти бережно, он приложил свои губы к шее – и прокусил кожу.

Отец вздрогнул, но не от боли – от ощущения, которое проникало в него полностью, меняло суть. Дима почувствовал, как кровь начала смешиваться с его собственными силами. Он втягивал её медленно, контролируя каждое мгновение, чтобы не причинить вред.

– Дима... – выдохнул отец, но голос его звучал уже поновому, глухо, словно из глубины.

Когда Дима отступил, он сделал паузу, затем повторил то же с матерью. И снова – осторожно, размеренно, как будто читал дыхание жизни, а не просто пил кровь.

После второго укуса он аккуратно приложил запястье к своим губам и дал им свою кровь, чтобы силы распределились обратно, чтобы преобразование стало полным и безопасным.

Сначала родители лежали неподвижно. Потом глаза их начали мерцать – красное свечение появилось в зрачках. Свет становился ярче, пока полностью не окрасил их радужки.

– Мы... – начала мать, но слова были пронзительно чужими, почти мистическими. – Мы видим... весь мир иначе...

Отец поднял руку и коснулся лица сына: свет от его глаз отражался в комнате, окрашивая стены в огненный оттенок.

– Ты сделал нас... другими, – сказал он низко, но в голосе звучала благодарность и уважение одновременно.

Дима стоял у кровати, чувствуя, как в комнате постепенно оседает напряжение. Красный свет, мерцающий в глазах родителей, стал мягче – он привыкал к их новому состоянию.

Он медленно повернулся к подушке. Приподнял её.

Под ней – аккуратно сложенная стопка свитков, перетянутая тонкой кожаной лентой. Бумага была желтоватой, плотной. Видно – писалось вручную, долго, старательно.

Он взял свитки, взглянул на них секундой – будто на часть своей души – и протянул отцу.

– Это вам. – Голос его был спокойным, но твёрдым. – Прочтите внимательно. И... прошу вас, не повторяйте моих ошибок. Если вы кого-то укусите, а потом дадите свою кровь... этот человек тоже станет таким, как вы. Никогда не делайте этого бездумно. Не превращайте всех подряд. Человечество и так... хрупкое.

Отец сжал свитки так, будто держал судьбу в руках.

– Мы понимаем, – тихо сказал он.

Мать стояла рядом, глаза её мерцали мягким красным светом.

– Дима... что это за записи? – спросила она.

Дима выдохнул и сел на край кровати.

– Я писал их два года, – признался он. – Всё, что знаю о силе. О том, что вы сможете. Об упражнениях, которые помогут вам овладеть собой... о чувствах, которые будут новыми. Это... чтобы вам было легче. Чтобы вы не чувствовали себя потерянными.

Мать коснулась его плеча.

– Ты думал обо всём заранее...

– Думал, – коротко кивнул он. – Я не мог оставить вас без знаний.

Отец взглянул на него внимательно.

– Но зачем ты говоришь так... будто прощаешься?

Дима поднялся.

– Потому что это и есть прощание. Я должен уйти.

Мать резко сделала шаг к нему:

– Нет. Нет! Мы только что стали как ты! Мы думали, ты отдаляешься... потому что мы люди. А теперь – мы такие же. Ты можешь не уходить.

– Вы ошибаетесь, – спокойно ответил он. – Я не уйду потому, что вы были людьми. И не останусь, потому что теперь вы – как я.

Он отвёл взгляд.

– У меня есть дела.

Отец шагнул ближе, его голос стал твёрдым:

– Тогда мы пойдём с тобой. Мы сильные теперь. Мы можем защищать тебя.

– Мне защита не нужна, – мягко покачал головой Дима. – И я не хочу, чтобы вы подвергали себя риску. Вы только-только стали новыми. Я хочу, чтобы вы научились жить... так. Сами.

Он посмотрел на них с редкой, почти хрупкой теплотой:

– Следуйте правилам. Делайте упражнения. И... живите. Пожалуйста.

Во дворе, под утренним небом, уже стоял осёдланный конь. Отец привёл его.

Дима легко взобрался в седло. Ветер задел его волосы. Родители стояли напротив дома, будто боялись сделать шаг ближе – как будто движение разрушит последние мгновения.

Когда он уже собирался тронуться, мать опомнилась:

– Подожди!

Она подбежала к нему и вынула из кармана небольшое ожерелье из тёмного металла, украшенное двумя камнями – тёмно-красным и белым.

– Я приготовила его вчера... – она вложила украшение в его ладонь. – Ты не берёшь золото. Не берёшь серебро. Ты никогда не берёшь ничего. Но это... возьми. Если когда-нибудь тебе понадобится продать его... или если просто захочешь помнить, что мы рядом.

Дима смотрел на ожерелье долго. Потом кивнул:

– Я возьму. Спасибо.

Он прятал ожерелье в сумку, развернул коня и, не сказав ни слова больше – потому что слова стали бы лишними – ударил пятками в бока животного.

Конь рванулся вперёд.

Родители долго стояли на дороге, пока силуэт сына не растворился в утреннем тумане, а дом – их дом – стал снова тихим, но уже другим: наполненным знаниями, новой силой и ожиданием встречи через долгие годы.

Глава 2

Европейские леса были совсем не такими, какими он запомнил Землю в первый раз. Тогда он путешествовал с Инисой, наблюдая, делая записи, изучая флору и фауну новой планеты. Тогда всё было иначе – мир казался необычным, свежим, почти тихим. Сейчас же он был большим, старым, глухим. И путь – куда длиннее.

Дима ехал медленно. Поскрипывало седло, дыхание коня поднималось белым облачком. Иногда приходилось спешиваться, вести коня за повод, чтобы не увязнуть.

Каждый вечер он поднимал голову к небу.

Звёзды были его картой.

Только они могли подсказать, куда идти – в сторону Восточной Европы, потом через степи, потом ещё дальше, дальше... пока леса не сменяются редкой тайгой. Он помнил расположение звёзд, помнил маршрут, по которому они с Инисой когда-то спускались на Землю.

Не координаты – ощущения. Направление. Привычный рисунок неба.

Да... ещё далеко.

Дорога могла занять месяцы. А может, и год.

Он остановил коня на небольшой поляне, где снег лёг мягким слоем поверх травы. Конь фыркнул, отряхнулся, стал искать, что бы пожевать.

Дима сел на упавшее дерево и провёл пальцами по шероховатой коре.

Иниса...

Он редко позволял себе произносить его имя вслух.

Но мысленно – часто.

Ты бы сказал, что я иду слишком медленно.

Что я слишком много думаю и слишком мало действую.

Но что мне ещё остаётся? Я не могу телепортироваться. Не могу перемещаться, как чистые после полного становления.

Он провёл ладонью по лицу, убирая с глаз непослушную прядь.

Если она – где-то на Земле... я должен найти хотя бы следы.
А если чистые рождались здесь? Если капсулы упали не один раз? Если Иниса вернётся?

Этого он не знал.
Пока – только путь.

Порой он встречал путников. Торговцев, измученных дорогой.
Пастухов, угрюмых и неразговорчивых.
Редко – семьи, путешествующие между городами.

Он задавал простые вопросы:
– Далеко ли до востока?
– Много ли впереди городов?
– Насколько безопасны дороги?

Об истинной цели он молчал.

Когда наступила ночь, он развёл небольшой костёр. Конь стоял рядом, тихо дышал, ожидая, пока его хозяин заснёт.

Дима смотрел на огонь – и над огнём, на чёрный купол неба.

Одна звезда особенно притягивала взгляд. Еле заметная, почти потерявшаяся среди ярких. Но он знал её.
Он вздохнул.

– Я не потерял путь, – тихо ответил он в пустоту. – Просто он слишком длинный.

Иногда он думал, что уже скучает не по дому – а по самому движению.
По бесконечной дороге.
По цели, которую нельзя достичь за один день.
Место, где на Землю однажды упала капсула.
Место, где должен остаться хотя бы след.

И он пойдёт.
Ещё долго.

Настолько, насколько потребуется.

Весна в Северной Европе наступала так лениво, будто сама сомневалась, стоит ли ей приходить.

Снег ещё держался – плотный, сероватый, местами коварно скрывавший под собой лёд. Речки вскрывались медленно: тонкая корка льда лопалась, показывая тёмную, быструю воду.

Дима уже несколько дней шел через один и тот же тянущийся бесконечно лес.

Сосны стояли, как молчаливые стражи.

Конь устал, и он решил сделать короткую остановку.

Он привязал коня у молодой ели – ближе к холодной узкой речке, где животное могло попить.

Сам же натянул плащ потуже и направился между деревья – охотиться.

Лука у него не было. Он давно предпочитал ловкость и тишину. Зайца, если знать тропы и дыхание леса, можно поймать и без оружия.

Он двигался почти бесшумно:

то ступал по валежнику,

то перепрыгивал коряги,

то наблюдал за движущимися тенями среди кустов.

Через какое-то время он заметил следы – свежие.

Заяц.

Дима присел, уловил направление ветра и терпеливо подождал.

Пока.

Пока зверек сам не выскочил из-под сухой ветки.

Всего один резкий бросок – и вот уже теплый, дергающийся комок шерсти оказался у него в руках.

– Прости, – тихо сказал Дима зверьку, и тот затих.

Он вернулся к речке...

И замер.

Коня не было.

Вначале он просто смотрел, как будто не веря. Потом медленно подошел к тому месту, где была привязь. Верёвка лежала в снегу. Срезанная ножом.

Срезанная аккуратно.
Без следов борьбы.

Кто-то прошёл здесь... заметил... и просто увёл его.

Он выдохнул паром. Не зло – скорее устало.

– Прекрасно, – пробормотал он, осматривая лес.

Следы чьих-то ног – человеческих, слишком лёгких для солдат или воинов – уходили в сторону дороги. Но догонять их он не стал.

Бесполезно.
Конь у него был обычный, человеческий. Если воры уже поскакали – его не вернуть.

Он поднял голову к небу.
Там, за ветвями, едва пробивался слабый свет ранней весны.

Сейчас бы мнегодились крылья...

Он позволил себе короткую фантазию:
как расправляет темные крылья,
взлетает над лесом,
догоняет воров за минуту.

Но реальность была другой.

Крылья – не раньше двенадцати. Тело ещё слишком слабое.
Поэтому Дима лишь покачал головой, перекинул зайца через плечо и сказал самому себе:

– Ладно. Пойду пешком.

Он шагнул вглубь леса, оставив за спиной обрывок верёвки и чужие следы, уже начинавшие заметать ветром.

Лес принял его обратно, будто он здесь и родился.

А впереди была долгая дорога, и ни украденный конь, ни снег под ногами не могли её остановить.

Когда лес уже кончался, а впереди за белёсой дымкой ранней весны показались первые крыши поселения, Дима заметил небольшое строение у самой дороги. Низкое, широкое, с тёмной крышей и трубой, из которой поднимался густой серый дым. На вывеске висела деревянная кружка – трактир.

Он остановился на секунду. Морозный ветер тянул за края его плаща, снег под ногами хрустел, а в желудке что-то пусто звенело – не от голода, а от раздражения. Конь. Украли. Увели, как будто он ничего не стоит.

Он сжал в руках пойманного зайца. Аппетита не было, но выбрасывать – глупо. Этого хватит и на пищу, и... возможно, на сделку. Люди здесь жили бедно, значит, заяц мог стоить информации.

Трактир пах дымом и чем-то тёплым – приятным после долгого пути. Он толкнул дверь плечом. Она скрипнула, впуская его в полутёмный зал.

Внутри было шумно. Мужчины за столами ругались, смеялись, играли в кости; пара женщин таскала кружки и тарелки, на ходу споря друг с другом. Воздух был густой, влажный, тёплый – совсем не такой, как холодный лес снаружи.

Дима прошёл между столами, почти не привлекая внимания, и выбрал место в углу, где было видно весь зал, но никто не мог легко подкрасться сзади. Он положил зайца на стол – аккуратно, как товар, который собирается предложить.

И только тогда его заметили.

К нему подошла женщина – лет тридцати или сорока, плотная, сильная, с живыми карими глазами. На её фартуке были пятна муки, на руках – следы работы.

Она скрестила руки на груди и склонила голову:

– Потерялся, малыш?

Он медленно, почти взрослым жестом, покачал головой.

Она фыркнула, будто не верила ни одному его жесту, и чуть наклонилась, глядя на него сверху вниз:

– Ну ладно. А серебро у тебя есть? Монеты? Хоть какие-нибудь?

– Нет, – спокойно ответил Дима, и пальцы его легли на шкурку зайца. – Я не буду ничего есть и пить. Но хотел бы узнать кое-что о месте впереди.

Женщина хитро прищурилась.

– О месте? – переспросила она. – А, это ты о городе? – она издала резкий смех. – Город, ха! Никакой это не город, малыш. Это аббатство.

Дима приподнял бровь, будто так и ожидал.

– Аббатство, значит... А в нём... случаются странности? – его голос стал чуточку ниже, спокойнее, слишком уверенный для ребёнка. – Необычные существа, легенды... гости... не совсем человеческие?

Женщина уже готова была отпустить очередную насмешку, но вдруг замерла, глядя на него внимательнее. На пару секунд в её взгляде мелькнуло любопытство: слишком уж странно говорил этот мальчик.

Но потом она снова расхохоталась, громко, так что один из мужчин за соседним столом обернулся:

– Сказочник маленький! – она махнула рукой. – Где твои родители, а? Кто тебя пустил одного в такую даль?

Он улыбнулся – легко, расслабленно, но чуть нахально, как человек, который всю жизнь умел нравиться.

– Родители подойдут позже, – сказал он, наклоняясь чуть вперёд. – Но если вы расскажете мне об аббатстве... – он мягко подтолкнул зайца к ней, – я отдам вам своего зайца.

Она распахнула глаза:

– Зайца, говоришь? – её голос стал мягче. – Ты что, торговаться со мной вздумал?

Дима повёл плечом – почти как взрослый мужчина, вспомнивший, как это делается.

– А почему нет? У меня хорошая добыча. А у вас, возможно, хорошие истории.

Женщина прыснула. Но смех её стал тёплым, искренним – она уже не видела перед собой потерянного мальчика. Перед ней был маленький странный хитрюга, который разговаривал как мужчина, уверенный в себе.

– Ах ты, чертёнок, – сказала она, и села рядом, отодвинув его зайца к себе. – Ладно. Спрашивай. А я уж подумаю, стоит ли твой заяц моего времени.

Она чуть придвинулась к нему, локтем уткнувшись в стол:

– Давай, удиви меня, маленький купец. Что именно ты хочешь знать?

– Я спрашиваю о странных существах. Может, легендах. Может, кто-то что-то видел. Что-то... необычное вокруг аббатства.

Женщина закатила глаза так демонстративно, что трое мужчин у стены захихикали.

– Да нет там ничего такого, маленький. – Она отмахнулась. – Легенды как легенды... такие же, как в любом лесу. Историй полно, но всё одно и то же: духи, черти, охотники, что в чащу уходили и не вернулись. Знаем мы эти сказки.

Дима слушал, но взгляд его стал чуть холоднее – слишком уж быстро она всё отметала.

– А что не сказки? – уточнил он.

Она пожала плечами и наклонилась ближе, понижая голос:

– Разве что... наш глава аббатства. – Она переглянулась с кем-то в конце зала, будто опасалась, что её услышат. – Он, понимаешь ли, коллекционер. Скупает книги. Любые редкие

свитки, манускрипты, записи старые. Купцы идут – он первым покупает. Изю всех стран книги завозят. Никогда не торгуется.

Дима чуть вскинул голову.

– Книги?

– Да. Это у них единственное богатство. Ну и земли, но то так, по мелочи. А вот книги – в этом он фанат. У него там библиотека, говорят, как у королей. Всё покупает. Всё. Даже то, что другим не надо.

Это слово – книги – ударило по нему словно колокол.
Внутри что-то дрогнуло.

Если где-то на этой земле могли сохраниться упоминания о капсулах... о путешественниках... о чужаках... о чистых...

То только в библиотеке, куда веками стекались редкости.

Он посмотрел на женщину внимательнее, словно оценивая, не лжёт ли она.
Но она выглядела слишком простой, чтобы придумывать столь сложную ложь.

– Значит, знания... – прошептал он себе под нос.

Она услышала.

– Ну да. Только не думай, что тебе дадут хоть краешком глаза посмотреть. В аббатство детей-то не пускают. Не то, что чужаков без серебра.

Он на секунду улыбнулся – так мягко, что женщина снова почувствовала странное ощущение, будто перед ней не ребёнок.

– А как туда попасть? – спросил он вслух. – В аббатство.

Она хмыкнула:

– Ворота у них на севере отсюда. Полдня хода. Но я ж тебе говорю: без дел, без денег и без причин туда идти не стоит. Не пустят. Там стража, там правила. Ты куда собрался? В библиотеку ихнюю?

Дима медленно кивнул:

– Возможно.

Женщина рассмеялась, но уже не так громко. В её смехе впервые звучала осторожность:

– Ну, ты и мечтатель... такой маленький, а уже лезешь в святое святых. Но если хочешь – иди. Только зайца я забираю.

Она придвинула тушку к себе.

– А ты, чертёнок, думай головой. Там люди строгие. Очень.

Дима поднял глаза на неё – спокойно, уверенно, так, как может смотреть только тот, кто боится куда меньше, чем должен.

– Спасибо, – сказал он. – Для начала мне хватит и этого.

Он вышел из трактира в холодный вечерний воздух – тот самый северный холод, тонкий как игла, который пробирает даже того, кто давно не чувствует температуры так, как люди. Снег вокруг потрескивал под его шагами, тусклые огни из окон трактира погасли за спиной.

Он сделал всего несколько шагов по узкой тропе, ведущей к северу, как сзади раздался окрик:

– Эй! Подожди!

Дима обернулся.

Женщина – та самая, пышная, громкая, с отрывистым смехом – почти бежала к нему, подбирая подол юбки, чтобы не споткнуться о снег. Она остановилась перед ним, пытаясь отдышаться.

– Стой... – она коснулась его плеча. – Я вот что забыла сказать.

Дима молча приподнял бровь, ожидая.

Она оглянулась на трактир, словно проверяла, не слышит ли кто, потом наклонилась ниже – почти до уровня его лица.

– В этих лесах часто охотятся дети нашего главы. – Она понизила голос. – Ну... не дети уже. Внуки. Их трое.

Он чуть наклонил голову.

– Внуки?

– Да. Два мальчишки-близнецы. Шестнадцать лет. Один в один – никогда не поймёшь, кто из них кто. И девчонка. Четырнадцать. – Она фыркнула. – И характер у неё пострашнее, чем у обоих братьев вместе взятых.

– Ты их узнаешь сразу, – добавила женщина. – У них одежда другая, богаче. Манеры... ну... такие, знаешь... как у тех, кому всё можно.

Она постучала пальцем по его зайцу, которого всё ещё держала.

– Если встретишь – попробуй заговорить. Может, уговоришь их провести тебя в аббатство. Они там кого хочешь проведут, если вздумают. Но...

Она подняла палец.

– Запомни главное: дорого возьмут. Они из тех, кто за улыбку – монету, за слово – серебро, а за помощь – половину души.

Дима тихо усмехнулся.

– Суд, конечно, тебе не поможет, – продолжила она, всё ещё шепотом. – У них дед – глава. В этом лесу они могут хоть по головам ходить. Никто им слова не скажет.

Он едва заметно кивнул.

– Понятно.

Женщина выдохнула, словно облегчённо:

– Ну... вот. Хоть предупредила. Остальное – сам. Вон туда иди. – Она махнула рукой на север. – Там, за холмом, будет дорога. А за дорогой – старые ворота аббатства.

– Спасибо, – тихо сказал Дима.

Она смотрела на него секунду, и в её глазах снова мелькнула та странная смесь: материнская тревога и непонятное восхищение, которое он в ней вызвал ещё внутри трактира.

Но он уже отвернулся.

Десять дней – снег, холод, туман по утрам.

Десять дней – лес, в котором он уже мог ориентироваться вслепую.

Десять дней – ворота аббатства, которые открывались редко, словно каменные губы, неохотно выпускающие наружу дыхание крепости.

Дима устроился в лесу так, как умел: почти бесшумно. Спал под елями, укрываясь лапником; охотился по ночам, когда человеческий глаз слепнет, а его зрение, наоборот, обостряется; прятался на деревьях, тихо, недвижимо, как зверёк, только наблюдая.

Он изучал всё.

Кто входит.

Кто выходит.

Когда открывают ворота.

Как часто.

С какой целью.

Аббатство оказалось живым организмом.

Не крепость – улей.

Он видел монахов, слышал колокольный звон, наблюдал охотников, бродячих купцов, пару полосатых повозок. Но тех троих, кого описала трактирщица, всё не было.

И каждую ночь, перед тем как заснуть, Дима разматывал в голове одну и ту же мысль:

Что я им предложу? Что может быть для них ценнее серебра, монет, добычи, охотничьего триумфа?

В один из вечеров он сидел на высоком дереве, откуда было видно часть стен аббатства. Звезды тускло мерцали сквозь тонкий лёд туч. Он глянул вниз – на свою грудь – и только тогда почувствовал небольшой холод металла.

Ожерелье.

Материнское.

Драгоценность их рода – подарок, который она вручила ему в самую последнюю секунду перед расставанием.

Он снял его, пропуская цепочку сквозь пальцы. Драгоценный камень блеснул в полумраке.

– Подойдёт, – тихо произнёс он сам себе.
Не со скорбью – с пониманием.
Отпускать – значит идти дальше.

Он спрятал ожерелье под одежду, ближе к телу, чтобы не потерялось.

Так прошёл десятый день.

На утро одиннадцатого дня он проснулся от стука.
Не обычного – не ветка, не птица.
Каменный стук.

Ворота.

Они открывались.

Дима мгновенно взобрался выше на дерево, меняя угол обзора.

И увидел их.

Трое всадников выехали из аббатства с таким видом, будто владели не только этими воротами, но и всем лесом вокруг.

Два парня – близнецы.

Высокие, крепкие, в одинаковых плащах из дорогой ткани. На плечах у обоих висели арбалеты, а к поясам были прикреплены мечи. Волосы – одинаково светлые, одинаково гладкие. Движения – быстрые, уверенные, отточенные.

Между ними ехала девушка.

Чуть моложе, но держалась не хуже братьев. На спине – изящный лук. Пальцы легко касались поводьев, будто она управляла конём одной мыслью.

Троица не разговаривала.

Они просто ехали.

Гордо. Уверенно.

Сразу видно – хозяйева этой земли.

Дима беззвучно спустился с дерева, выбрав момент, когда они уже скрывались в сторону восточного леса. Он пошёл за ними – не торопясь, но уверенно.

В его голове складывался план.

Сначала видеть. Потом выбрать момент.

Потом – предложить.

Ожерелье они примут. Оно дорогое. Оно выглядит как королевский дар.

А взамен... всего лишь вход в библиотеку.

Он ускорил шаг, наблюдая за их следами на снегу. Они уходили всё глубже в лес.

Люсиль...

Имя шепнулось внутри.

Если есть хоть намёк... хоть крошка знаний – она там. В книгах. В историях. В следах прошлого.

Трое всадников спрыгнули с коней, смех и разговоры раздавались по лесу.

– Не волнуйся, сестрёнка, – усмехнулся Саша, один из братьев, – я спасу тебя от этого ужасного брака.

– Ха! – закатила глаза Василина, девушка посередине. – А как именно ты меня спасёшь, герой леса?

– Ну... я уже придумал! – Саша притворно задумался. – Давай так: я поймаю самую крупную птицу в лесу, и тогда ты будешь мне обязана ужином...

– Пф! – захохотала Василина. – Ты и охотник? Ты только смешишь всех!

– Ахах! – разразился смех другого брата, который обычно молчал, – да, Саша, ты смеёшься, а она в любой момент может превратить тебя в жертву своей лука!

Саша расхохотался ещё сильнее:

– Ах, у вас нет чувства юмора! Ну ладно, попробуем так... Василина, если справишься лучше всех – признаю тебя королевой охоты, а если нет – то придётся слушать меня!

Василина фыркнула, но в глазах блеснула азартная искра.

– Ладно, посмотрим, кто тут главный охотник леса!

– Стоп! – вмешался Вова, другой брат. – Мы же пришли охотиться, а не дурака валять. Давай, по существу, иначе домой вернёмся голодные и с позором.

– Отлично! – Саша схватил поводья и прыгнул на коня. – Предлагаю соревнование: кто быстрее собьёт птицу, тот главный охотник леса!

– Ха! – Василина сияла азартом. – Сейчас я покажу вам, кто здесь круче!

Братья сразу разъехались: один в сторону запада, другой – на восток. Конь Василины рванул в сторону середины, и она бросила им вызов взглядом.

В этот момент за деревьями, недалеко, медленно шагал Дима. Он наблюдал за ними, скрываясь в тени. Его глаза блестели, и в голове уже формировался план, как подойти к ним и предложить ожерелье в обмен на проводников к аббатству.

Он видел: двое старших парней и одна девушка – такие же сильные, уверенные в себе, но ещё дети по возрасту.

Василина углубилась в лес, скача на коне между деревьями. И вдруг её взгляд зацепился за силуэт мальчика, идущего между стволами. Она резко подпрыгнула на коне, подбежала к нему, прыгнула и сказала:

– Эй, малыш, ты потерялся? Ты из аббатства?

Мальчик поднял на неё глаза. Его взгляд был спокойным и сосредоточенным.

– Нет, я не потерялся, – ответил он тихо, сдержанно. – Я иду в аббатство.

– В аббатство? – удивленно переспросила Василина.

– Мне сказали, что ты можешь мне помочь, – сказал Дима, его тон был холодным, но в нём чувствовалась твёрдая уверенность.

Василина усмехнулась, уже не воспринимая его как растерянного ребёнка, а скорее как что-то маленькое и дерзкое.

– Чем я могу тебе помочь, малыш? – произнесла она, слегка наклонив голову.

– Провести меня в аббатство, – спокойно сказал он.

Василина чуть охнула от наглости, но быстро собралась и двумя пальцами свистнула в рот – сигнал.

Саша и Вова, услышав свист, одновременно развернули коней и поскакали навстречу. Они быстро заметили силуэт Василины и Димы и подскакали к ним.

Василина и Дима стояли молча, глядя друг на друга, когда Саша слез с коня с лёгкой насмешкой на лице, а Вова сделал более серьёзное, спокойное лицо.

– Василина, – сказал Саша, улыбаясь, – ты не поняла правила. Мы должны были убить птицу, а не ребёнка. Где ты его взяла?

Вова только слегка улыбнулся, не вмешиваясь.

– Этот ребёнок хочет попасть в аббатство, – сказала Василина, не отводя взгляда от Димы.
– И он просил, чтобы мы ему помогли.

– Конечно, можем помочь, маленький, – рассмеялся Саша, слегка наклонившись к Диме.
– Но не просто так.

– Меня об этом предупредили, – сказал Дима, закинув руку за небольшой плащ, доставая ожерелье.

Саша пригляделся к нему, нахмурился и сказал с улыбкой:

– Наши подвалы набиты подобными бестелушками. Нужно что-то посерьёзнее.

Вова снова толкнул Сашу плечом.

– Может, просто хоть раз кому-нибудь поможем без твоих игр? – повернулась к братьям Василина.

– Хотите, помогайте, – сказал Саша, скрестив руки на груди. – Нам чужаки не нужны, даже если это дети.

Он развернулся и пошёл к своему коню, вскочил на него. Вова поддержал Василину за плечо:

– Саша прав. Дед сейчас в тяжёлом состоянии, и вряд ли одобрит появление чужаков в нашем доме. Надо быть осторожнее.

Василина пожала плечами и сказала Диме:

– Они иногда бывают невозможные, братья мои... Извини, что мы не можем тебе помочь.

Подойдя к коню, она предложила:

– Но я могу проводить тебя к твоим родственникам или семье. Садись ко мне.

– Не нужно, – спокойно ответил Дима, качнув головой.

Василина ещё немного говорила с ним, предлагая своё сопровождение, пока Саша и Вова отъезжали на небольшое расстояние.

Она посмотрела на Диму ещё раз:

– Жди меня здесь вечером. Я тебя проведу.

Мигнула ему и вскочила на коня, ускакав за братьями.

Ночь уже опустилась на аббатство, во всех комнатах зажглись последние свечи, кухарки шептались о завершении работы, слуги направлялись к спальням. Василина тихо проверила коридор: ни одного охранника, ни одного слуги, который мог бы заметить её. Она уже несколько раз пробовала изучить маршруты обхода аббатства, знала, где чаще всего спят сторожа, а где – проходы, по которым почти никогда никто не ходит.

Она аккуратно спустилась с кровати, не издавая ни звука. Плащ с меховой подкладкой облегал её движения, нож был надёжно закреплён на поясе. Служанка, помогавшая ей с волосами, вышла из комнаты, не подозревая, что девушка планирует побег. Василина буквально проскользнула в коридор, скользя вдоль стен, огибая мебель, чтобы не задеть её.

Кухни и зал для трапезы были почти пустыми. Она прижалась к стене, обошла угол – и уже видела потайной проход, ведущий к внешнему двору аббатства. Сама дверь была замаскирована под старую кладовую, которая выглядела заброшенной. Она осторожно проверила замок – легко отперла его ключом, который прятала за поясом, и тихо открыла дверь.

В это время в залах аббатства раздался смех. Саша, забыв обо всём, направился к одной из кухарок и буквально втянул её в свою комнату. Вова же лежал в своей комнате, погружённый в книги, когда вспомнил, что продолжение одного из томов хранится у Василины. Он открыл дверь – её там не было. Сердце сжалось: сестра снова сбежала.

Вова быстро догадался, куда она могла направиться. Он выскочил из комнаты и, не теряя времени, побежал к Саше. Тот в это время был занят «развлечениями» с кухаркой. Вова выдернул брата из комнаты, пока та, смущённая и растерянная, прикрывалась простынями и выбежала прочь.

– Срочно, Саша, – сказал Вова, – Василина сбежала! Нужно идти искать её!

Саша выругался, быстро оделся и, ведомый братом, направился к потайным ходам, через которые Василина могла выйти из аббатства. Они шли по знакомым тропинкам, обходили сторожей, точно зная, где и когда они появляются, чтобы не попасться на глаза.

Василина же, тем временем, уже оказалась на свободе. Она двигалась тихо, почти бесшумно, обходя заросли и корни деревьев, которые могли бы выдать её присутствие. Она знала лес и его пути, помнила все укромные места, где можно было спрятаться, если кто-то решит идти по её следу. Её взгляд был сосредоточен, руки сжали нож – на случай опасности.

Лес встречал её прохладой и тишиной. Она приближалась к заранее оговоренному месту встречи, где должен был ждать Дима, но ещё не догадывалась, что кто-то её уже заметил...

Дима сидел на небольшом пенёчке в глубине леса, глаза сосредоточенно следили за тем местом, где, по его расчетам, появится Василина. Он ещё не слышал ни шороха, ни ветра – пока её шаги были слишком далеки.

Но вдруг из-за деревьев послышался топот, шепот и скрежет. Несколько мужчин неожиданно напали на Василину. Один приставил нож к её горлу, другой зажёл факел и осветил её лицо. Она была в богатых одеждах – роскошные ткани сразу привлекли внимание разбойников.

– Это девка – проревел один

Василина попыталась вырваться, и нож слегка порезал её плечо, оставив маленькую ранку. Она едва успела пискнуть.

– Не ори, – строго предупредил другой, – иначе прирежем!

Она дернулась и в отчаянии укусила руку, которая держала её сзади, и мужчина отшатнулся. Но остальные снова схватили её, сбив с ног.

Разбойники пытались сорвать с неё одежду, держали её крепко, но Василина не сдавалась. В отчаянии она ударила одного в пах, заставив его согнуться, а другой, раздражённый, ударил её металлическим предметом в висок. Кровь забежала по виску, смешавшись с тьмой ночи.

И тут Дима учуял запах крови. Его обострённые чувства мгновенно распознали человеческую кровь. Сердце не дрогнуло, а разум мгновенно сосредоточился. Он не знал, чей это был запах, но не сомневался – кто-то в опасности.

Не теряя ни секунды, он пустился бежать сквозь лес с невероятной скоростью, его ноги не касались земли, деревья и кустарники лишь мелькали мимо.

Лес утонул в ночной тьме, освещённой лишь яркой луной. Василина лежала на земле, её длинный плащ был сорван, волосы растрепаны, на виске струилась кровь. Разбойники, охваченные азартом и жадностью, не заметили, как граница между опасностью и смертью стала слишком тонкой. Дима, прибежав по запаху крови, мгновенно оценил ситуацию. Его глаза вспыхнули красным – скорость и сила его движения уже выходили за пределы человеческого.

Он шагнул вперёд, и с помощью векторов мгновенно поднял и разогнал двух разбойников в разные стороны. Один с глухим ударом врезался в дерево, второй со стуком столкнулся с камнем. Оба хрипели, издавая странные, почти нечеловеческие крики, и, охваченные страхом, бросились прочь, выкрикивая что-то про «маленького демона». Лес затих, лишь шум ветра и треск сучьев напоминали о недавней буре.

Дима опустил на колени рядом с Василиной, быстро ощупал её грудь. Его руки были точны и холодны, сердце бьётся без жалости – но его глаза заметили то, что не хотели видеть: сердце Василины не билось. Он прислушался к дыханию – его не было. Глубокая рана на виске, вероятно, случайный удар металлическим предметом, оказалась смертельной.

«Нет... нет, это не может быть», – пронеслось в его голове.

Не думая долго, он вонзил свои клыки в шею Василины. С каждым глотком крови он ощущал, как остатки жизни в ней реагируют, как ткань тела снова оживает под его прикосновением. Но он понимал: если не действовать мгновенно, шанс потерять её окончательно слишком велик.

И тут в лесу раздались голоса. Сначала слабый шум шагов, потом – более отчетливый хруст веток под сапогами. Саша и Вова. Они неслись по тропинке, глаза блестели в лунном свете. Сначала они заметили два силуэта – темные фигуры в ночи, потом блеск сапог Василины, украшенных камнями. Их сердца сжались от ужаса.

– Отойди от нашей сестры! – в один голос закричали они.

Саша резко вытянул нож, Вова обнажил меч. Их движения быстрые, решительные – но для Димы это были лишь мгновения. Он понимал, что если они подойдут ещё на шаг, шанс спасти Василину будет упущен.

Сила векторов, невидимая человеческому глазу, сработала мгновенно. Ловко, точно, без лишнего шума он направил её прямо на тела братьев: их ноги подкосились, и они рухнули в обморок, не понимая, что произошло.

Дима быстро обернулся к Василине. Его руки держали её крепко, но осторожно.

Сердце, тускло стучавшее ещё секунду назад, теперь начало ритмично биться снова. Её дыхание стало ровным, глаза медленно открылись, сначала беспомощно, потом с любопытством, а затем и с узнаванием.

– Ты... кто... – шепнула Василина, ещё слабым голосом.

Дима только сжал её руку и сказал спокойно, почти как наставник:

– Тихо... Всё хорошо. Ты в безопасности. Я забираю тебя из этой ночи.

Василина посмотрела на свои руки; рана на виске уже затянулась. Она оглядела братьев, лежащих без сознания, и испуганно посмотрела на Диму, пытаясь понять, что произошло, где разбойники и что с ней. Она прижала руки к горлу.

Дима приблизился к ней и сказал, что крови из запястья, видимо, было мало. Он стоял перед ней на коленях. Василина сидела на земле, но холод от земли уже почти не ощущала; тело больше не обжигал холод. Её глаза горели красным, и она инстинктивно приблизилась к шее Димы.

– Выпей немного, – сказал он. – Этого хватит, чтобы утолить жажду.

Она укусила его за шею и выпила немного крови, словно это управлял не она сама, а какой-то внутренний инстинкт, о котором она никогда не знала. Затем отстранилась, посмотрела на братьев.

Дима подошел к ним, проверил пульс каждого и сказал, что теперь их можно отнести в аббатство. Он объяснил Василине, что ей в жизни больше ничего не угрожает и что она будет жить, ничем не болея. Она сидела испуганная, а Дима, слегка расстроенный, сказал, что просит прощения за то, что обратил её без разрешения, но боялся, что она уже мертва. Он уверял, что вскоре братья придут в себя.

Потом он посмотрел на Василину и тихо сказал:

– Нужно решить, сделать их такими же, как ты, или оставить всё так, как есть.

Он метался в мыслях, размышляя, что будет лучше: оставить братьев людьми или превратить их наподобие Василины, чтобы они продолжали быть вместе с ней.

И тут Вова с Сашей начали приходить в себя. Они вскочили, оглядели сестру, оглядели Диму, кричали по очереди. Вова обнял Василину и сказал, что всё в порядке, что произошло, что он с ней сделал. Его глаза были красными. Саша испуганно держал меч Вовы, угрожая Диме, чтобы тот не подходил.

Василина, почувствовав страх братьев, сказала:

– Успокойтесь... он одарит вас вечной жизнью и здоровьем.

Слова вырвались у неё сами, и она знала, что братья, защищая её, могут натворить глупость. Саша начал кричать:

– Что за глупости? Какая жизнь? Ты о чём?!

Василина взяла его за руку:

– Успокойся... послушай меня. Он меня спас, он не вредил.

Саша начал постепенно опускать меч. Дима стоял, глядя на него холодным взглядом, а капли крови Василины ещё блестела на его губах.

Василина глубоко вдохнула и, глядя на братьев, тихо рассказала:

– Меня... на меня напали разбойники. Я ничего не помню после того, как почувствовала тупую боль у виска... А когда очнулась, вы уже лежали здесь без сознания, а Дима был рядом.

Саша и Вова внимательно слушали, Василина описывала всё спокойно, но с тревогой в голосе. Дима кивнул, подтверждая:

– Ты практически умерла. Единственный способ спасти тебя – сделать тебя подобной мне. Теперь вы знаете, что я необычный.

Он тяжело вздохнул, потом продолжил:

– Я могу сделать и вас такими же, как ваша сестра, но есть одно условие.

Саша приподнял бровь, в его взгляде сквозило любопытство и азарт: вечная жизнь, ничем не болеть... разве не мечта? Вова же напротив, чувствовал страх: неизвестность, последствия, ответственность – всё это давило на него сильнее, чем привлекательность идеи.

– Если я обращаю вас, – продолжил Дима, – то какая бы сильная жажда крови ни была, вы не должны вредить людям. Даже если будете пить кровь, я научу вас, как стирать память. Но главное – вы должны дать слово: никогда никого не обращать.

Он объяснил принцип обращения человека-вампира:

– Сначала нужно укусить человека, но этого недостаточно. Если после укуса не дать свою кровь – человек не обратится. Если же после укуса дать свою кровь – он станет подобным вам, но слабее. Если вы обещаете никогда не обращать других, я могу сделать это для вас.

Его взгляд потускнел: Дима понимал, что обращение Василины было вызвано безысходностью, но у него не было планов никого превращать в вампира. Он также понимал, что Саша и Вова – её родные братья, и если не сделать это сейчас сам, Василина могла бы случайно их обратить или причинить им вред.

Братья переглянулись. Саша с азартом, Вова с опаской, но оба дали слово.

Дима сначала обратил Сашу, затем Вову. После того как они выпили его кровь, новые силы охватили их, и они встали, чувствуя невероятную мощь. Дима сам слегка пошатывался: сегодня он почти ничего не ел, кровь пил только немного у Василины, а братья выпили гораздо больше. Его тело было ослаблено, но сознание оставалось ясным.

Саша окинул Диму взглядом и с улыбкой сказал:

– Ну что ж, теперь ты достаточно «заплатил», чтобы мы тебя привели в аббатство.

Василина проворчала:

– Если бы ты согласился днем, этого ничего бы не произошло...

Саша закатил глаза, и они вместе направились в сторону аббатства, Саша с азартом, Вова осторожно, Василина всё ещё слегка встревоженная, а Дима – усталый, но спокойный, понимая, что всё прошло не так, как нужно.

Пока они шли в аббатство, разговор постепенно становился спокойнее. Саша рассказывал о себе, Василине и Вова – кто они, как жили здесь с детства, о своем деде, который правил аббатством, о привычках и законах этого места. Он говорил много, стараясь заполнить неловкость момента и заглушить тишину между ними.

– Мы здесь с детства, – пояснил Саша, – дед всегда следил за тем, чтобы мы не нарушали правил. Василина и Вова... ну, вы сами понимаете, как они растут. А я... стараюсь держать всё под контролем.

Вова и Василина молчали, лишь кивали время от времени, не вмешиваясь, позволяя брату вести диалог.

Когда разговор коснулся Димы, он почти ничего не рассказывал о себе. Лишь сказал:

– Мне семь лет. Меня зовут Дима. Мне нужны книги... о странах, существах, легендах... что-то такое.

Саша кивнул, принимая эту информацию, и они продолжили путь.

Когда они вошли в аббатство, Саша резко схватил Диму за руку и заговорил с тревогой в голосе:

– Слушай... если обратить человека, который уже болеет, это может помочь ему?

Вова и Василина переглянулись и ответили почти одновременно:

– Нет. Ты что, с ума сошел?

Но Саша лишь продолжал:

– Мы можем помочь ему! Взамен дадим что угодно: новую одежду, еду, золото – не проблема!

Он опустился почти на колени, сложив руки перед лицом, словно в мольбе:

– Пожалуйста... просто взгляни на него. Понимаешь, наш дед болеет уже больше месяца. Если он умрёт... всё развалится. Аббатству придёт конец. Нас завоюют или распродадут... всё будет разрушено! Прошу тебя... просто взгляни.

Дима пожал плечами, оценивая ситуацию, и Саша осторожно повёл его в комнату.

Василина с Вовой сначала хотели остановить брата, возмущались, что дед всё равно умрёт, что они недолюбливают его или злые на него. Но понимание того, что без деда их будущее станет непредсказуемым, заставило их молчать. Если бы Вильгельм умер, их могли бы попытаться устранить как наследников, а Василину могли бы выдать замуж или передать кому-то другому. Внутренне они были напуганы, несмотря на свой возраст и готовность к браку или женитьбе. Поэтому, хотя в душе они не любили деда, они позволили Саше вести Диму к нему.

Саша осторожно повёл Диму в комнату деда. Она была просторной, с низким потолком и массивной кроватью посередине. На ней лежал Вильгельм Вольфганг. Его кожа была необычайно бледной, тело покрывали болезненные язвы, дыхание тяжёлое и редкое. Рядом сидела служанка Виктория, методично протирая запястья и руки хозяина влажной тряпкой, снова мочила её в воде и продолжала тщательно очищать кожу.

Когда Виктория заметила Сашу, она слегка кивнула и быстро вышла из комнаты.

Дима подошёл к кровати, осторожно наклонился к Вильгельму Вольфгангу. Его взгляд скользнул по язвам – он почти не видел ничего подобного раньше, ведь чистые не болят. В памяти всплыли воспоминания о том, как когда-то Лука лечил людей с помощью вакцины, сделанной на базе Диминой крови. Возможно, это могло облегчить симптомы.

Он слегка надрезал запястье, несколько капель крови упали старику в рот.

Дыхание стало немного ровнее, но язвы остались, симптоматика не ушла. Вильгельм слегка приоткрыл глаза – сознание было почти отсутствующим.

Дима тихо наклонился к его уху: «Ты хочешь жить или умереть?»

Вильгельм еле слышно прошептал: «Жить... только жить...»

Дима отступил, посмотрел на Сашу. Взгляд Саши выражал сожаление, сочувствие и страх одновременно – он не хотел принимать мысль о смерти деда.

Дима тяжело вздохнул: «Только обращение поможет.»

Саша снова опустился на колени, сложив руки перед лицом: «Прошу тебя, пожалуйста... Я сам не буду никого обращаться, но умоляю тебя – спаси его. Я дам тебе всё, что хочешь, золото, всё аббатство, но прошу – вылечи его.»

После того как Дима обратил Вильгельма Вольфганга, тело старика сразу начало изменяться. Его кожа побелела ещё сильнее, язвы исчезли, дыхание стало ровным, глубоким, почти звонким. Вильгельм медленно сел на кровати, огляделся, и взгляд его остановился на Диме.

Инстинкт нового существа, которому только что подарили жизнь, заставил его инстинктивно коснуться руки мальчика. Он аккуратно сжал запястье Димы зубами, словно проверяя, что это кровь. Дима дал ему руку, чтобы он смог утолить первую жажду.

После нескольких глотков крови тело Димы, уже измотанное – ведь за последние дни он почти не ел и давал кровь Василине, Саше и Вова – не выдержало нагрузки. Мальчик, которому всего семь лет, оказался физически не рассчитан на превращение сразу четырёх взрослых вампиров. Его глаза на мгновение закатились, тело ослабло, и он рухнул в обморок.

Василина, увидев это, мгновенно подошла к нему. Вова быстро наклонился, подхватил Диму на руки. Они переглянулись и тихо договорились: нужно донести мальчика в комнату, дать ему отдых.

Тем временем Вильгельм Вольфганг встал с кровати. Его тело было восстановлено до идеального состояния, каждое движение стало лёгким и точным. Он поднялся, осмотрелся, ощущение полной бодрости и силы разлилось по нему. Глаза блеснули живостью, которой уже давно не было. Он потрогал свои руки, ощупал грудь, потом обернулся к Саше и Василине.

– Что... что это? – с удивлением проговорил он, поражённый своим новым состоянием.

Саша, улыбаясь и держа привычную лёгкую шутливую интонацию, ответил:

– Подарок богов, дед. Просто подарок богов.

Вильгельм сделал ещё один глубокий вдох, почувствовал силу в каждом мускуле, и впервые за долгие недели его глаза наполнились живым огнём.

Владимир нёс Диму осторожно, будто держал в руках не живое существо, а тонкую стеклянную фигуру, способную разбиться от одного неверного движения. Он занёс мальчика в свою собственную комнату – ближайшую и самую тёплую – и аккуратно уложил на широкую кровать.

Дима был лёгким, слишком лёгким для своего возраста.

И слишком холодным.

Вова быстро расстегнул и снял с него верхнюю одежду.

Оставил его только в тонкой, почти детской рубашке. На коже виднелась грязь, следы дороги, синеватые тени усталости.

– Он... не в лучшем виде, – тихо сказал Вова, оглядывая Диму внимательнее. – Такое чувство, что он не мылся... очень давно.

Василина подошла ближе, едва касаясь пола – она всё ещё не привыкла к новому лёгкому, почти воздушному телу.

– Когда проснётся... – задумчиво сказала она. – Надо позвать служанок. Пусть приведут его в порядок. Он ещё ребёнок, мало ли... заболит.

– Он сказал, что мы не боеем, – напомнил Вова. – Но да. Я скажу.

Они тихо вышли из комнаты, оставив Диму спать.

Дверь закрылась, и коридор снова поглотила тишина.

Вильгельм Вольфганг всё ещё стоял перед зеркалом, ошарашенно трогая кожу на лице, шее, руках. Он не мог поверить, что всё это – его тело. Чистое. Сильное.

– Что... что со мной произошло?... – наконец спросил он, повернувшись к Саше.

Саша сел на край кровати, вздохнул и развёл руками.

– Я сам ничего не знаю, – честно признался он. – Мальчишку зовут Дима. Он... что-то сделал с Василиной, когда она умирала, и она выжила. Потом... потом с нами. Мы сами согласились. А потом я попросил его помочь тебе. Он... не объяснил, как это работает. Только сказал, что мы будем жить долго и не болеть.

На губах Саши появилась тёплая, почти детская улыбка – редкая для него.

– И это уже что-то.

Вильгельм смотрел на него долго, будто пытаясь понять, верит ли собственным ушам. Затем так же медленно улыбнулся.

– Значит... этот ребёнок спас мне жизнь.

– Да, – кивнул Саша.

Вильгельм задумался, а потом сказал серьёзно:

– Надо постараться узнать о нём как можно больше. И... желательно, чтобы он остался здесь. Как можно дольше.

Саша кивнул – он думал так же.

Вильгельм отправился в баню – в большую каменную купальню аббатства. Там он долго мылся, пытаясь осознать новое тело, новую силу, новую лёгкость. Вода струилась по коже, и он не мог привыкнуть к тому, что ничего не болит.

Тем временем его внуки – Саша, Вова и Василина – сидели в комнате Вильгельма и обсуждали свои ощущения.

– Я чувствую себя... другим, – говорил Вова, глядя на собственные руки. – Будто тело стало... не моим. Но в хорошем смысле.

– А я будто... слышу всё лучше, – добавила Василина. – И вижу дальше.

Саша задумчиво провёл рукой по волосам.

– Интересно... можем ли мы что-то ещё? Что-то большее, чем просто жить долго и не болеть.

Вова фыркнул:

– Тебе и этого мало? Это же чудо, Саша! А ты уже хочешь больше?

– Просто было бы интересно, – пожал плечами Саша.

Раздался лёгкий стук.

Дверь открылась – вошёл их отец.

Сергей оглядел троих, прищурился.

– Я не понял, – сказал он холодно. – Дед что, выздоровел?

В его голосе слышалась не радость, не облегчение – а раздражение, почти брезгливость.

– Да, – сказала Василина сладко. – К твоему несчастью.

Сергей закатил глаза и вышел, даже не закрыв дверь.

Вова хмыкнул.

– Как всегда.

Саша только вздохнул.

Через несколько минут дверь снова открылась – тихо, спокойно.

На пороге стоял Вильгельм Вольфганг.

Сухие волосы. Чистая кожа. Выпрямленная спина. Глаза, будто светящиеся изнутри.

Он выглядел так, словно помолодел на десятилетия.

И трое его внуков одновременно поднялись, как по команде.

Вильгельм улыбнулся.

Той самой улыбкой, которую они не видели уже много лет.

– Ну что, дети, – сказал он мягко. – Кажется, у нас появилась новая жизнь. У всех четверых.

Вильгельм ненадолго замолчал, словно собираясь с мыслями, а затем, шагнув ближе к трём стоящим перед ним подросткам, сказал уверенно, почти торжественно:

– Раз боги послали нам этого мальчика, значит, так было предназначено. – Его голос звучал слишком громко для ночной тишины. – Вы понимаете? Это не случайность. Это судьба. В самый момент, когда наша семья стояла на краю гибели, к нам приходит ребёнок, несущий силу. Дар. Свыше.

Саша и Вова переглянулись. Василина же нахмурилась и встала чуть ближе к братьям.

– Дедушка... – начала она тихо, но уверенно. – Он вообще-то пришёл просто книги почитать. Это никакой не дар, это случайность. Если бы на меня не напали сегодня, ничего этого бы и не было. Он просто оказался рядом.

Вильгельм поморщился, как будто услышал что-то невероятно наивное.

– Не важно, как это произошло, – сказал он твёрдо. – Если что-то случилось, значит, так и должно было случиться. Он не просто так шёл именно к нашему аббатству. Не просто так оказался рядом с вами. Это знак. И такой знак нельзя упускать. Мальчишку нужно оставить здесь.

Саша хотел что-то возразить, но Вова опередил его.

Он убрал волосы за ухо и сказал осторожно, но с явной надеждой:

– Мы, конечно, рады, что ты выздоровел... но что теперь будет дальше с будущим правлением? Если ты здоров, значит... мне не придётся занимать твоё место? Не придётся жениться? И... не придётся заводить наследника?

Он сказал это почти умоляюще.

Вильгельм окинул его взглядом, недолго подумал и ответил:

– Да. Я останусь у власти. Пока. А от вас... – он приподнял подбородок, как всегда делал, когда хотел подчеркнуть свою значимость, – от вас сейчас требуется гораздо меньше. Я вернулся. Я снова стою во главе семьи и аббатства.

Саша приснул от смеха, хоть и тихо, чтобы не разозлить деда.

– Значит, сестрёнку не надо выдавать замуж! – сказал он и посмотрел на Василину.

Она вспыхнула и отвела взгляд.

Вильгельм же произнёс задумчиво, но не без холодной практичности:

– Об этом я ещё подумаю. Такие решения не принимаются в спешке. Но пока... – он вздохнул. – В замужестве Василины нет необходимости. Если мы действительно будем жить долго, как сказал этот ребёнок, значит, можно повременить и с престолонаследием, и с династическими браками.

Василина облегчённо выдохнула, хотя глаза её оставались тревожными.

Но Вильгельм ещё не закончил.

Он нахмурился, глядя на дверь, за которой недавно исчез Сергей.

– А вот вашего отца... лучше убрать отсюда. Вместе с вашей матерью. Чем дальше – тем лучше.

Саша коротко кивнул:

– Давно пора.

Вова и Василина переглянулись, и оба медленно согласились жестом. Не из жестокости – из здравого смысла.

Повисла тишина. Впервые за долгий день – спокойная.

Василина наконец сказала:

– Давайте утром всё обсудим. Сейчас... я хочу понять своё новое тело. Осознать, что со мной. И вообще... уже глубокая ночь.

Она чуть улыбнулась.

– Пора спать.

Саша провёл рукой по волосам и кивнул:

– Я тоже еле стою.

Вова выругался под нос так тихо, как никогда в жизни.

Вильгельм развернулся к ним, холодный, раздражённый:

– Не хочу видеть их сегодня. Их надменные лица, их вечное недовольство всем и вся. Достаточно.

Он вытащил нож, порезал себе запястье и по капле дал обоим – сначала сыну, потом его жене.

Дима тем временем слез со стула.

Он стоял рядом, глядя снизу вверх.

В его взгляде было ровное, взрослое, обиженно-холодное осуждение.

Он только что сказал Вольфгангу не обращать людей, а тот тут же сделал это.

Это было мерзко.

И Дима это не скрывал.

Но он молчал. Он наблюдал. Он хотел понять, что будет дальше.

Через минуту Сергей и Елена зашевелились. Открыли глаза. Встали.

– Что ты... с нами сделал? – голос Сергея дрожал. Он был в ужасе.

Елена тоже прижимала руки к груди, будто пытаясь согреться.

Вильгельм ответил холодно:

– Вам повезло, что я не могу вас убить. Только потому что ты мой сын. И ты – мать моих внуков. Но видеть вас здесь я больше не желаю.

Он указал рукой на двери.

– Возьмите столько золота, сколько сможете унести. И уезжайте. Далеко. Никогда больше не возвращайтесь.

Сергей моргнул, словно не веря.

Только что он был готов умереть.
А теперь ему дают свободу.

Даже слишком лёгкую.

Он быстро схватил Елену за руку. Они почти побежали к выходу.

В дверях Сергей ещё оглянулся – и впервые за много лет на его лице было искреннее облегчение.

Через полчаса они уже собирали золото. Через час покинули аббатство на двух лошадях, растерянные, напуганные, но свободные.

Когда дверь столовой наконец закрылась, Вильгельм опустился на своё место, устал.

Он посмотрел на Диму.

Дима отвечал ему холодным, непонимающим взглядом.

– Это было нужно, – произнёс Вильгельм. – Только зная, что мой сын будет жить долго и не болеть, я могу его отпустить. Другого выхода не было. Не суди меня строго.

Дима медленно выдохнул и кивнул.

Но внутри у него уже было решение: как только закончит с книгами – уйдёт отсюда при первой возможности.

Вся ситуация ему была неприятна.
Отвращала.
Но он, как всегда, сохранял внешнее спокойствие.

Саша, Вова и Василина тоже молча сели обратно за стол. Приняли случившееся так, словно иначе и быть не могло. Слишком много всего произошло за сутки, чтобы спорить.

Они ели молча.

Дима тоже слегка поклевал еду – скорее сделал вид – потом тихо сказал:

– Можете показать мне библиотеку?

– Конечно, – сразу поднялся Саша.

И Диму увели в библиотеку.
Месяц прошел незаметно.
Дима проводил в библиотеке почти весь день.
С тонкими пальцами, уверенными движениями он перелистывал древние фолианты, свитки, записи прежних настоятелей.

Он искал.
Искал всё, что хоть отдалённо напоминало бы о чистых, о Люсиль. Но книги упрямо молчали.

Только обрывочные легенды о странных существах:
туманные тени, духи, бессмертные хранители лесов.
Но ничего точного.

Оставалось совсем немного книг – и Дима упорно не сдавался.

Иногда в библиотеку заглядывала Василина.
Она входила тихо, чтобы не спугнуть его сосредоточенности, садилась рядом за соседний стол, раскрывала книгу и читала.

Иногда поднимала голову:

- Дима... а это тебе не подходит? – она указывала на какую-нибудь толстую летопись.
- Нет, – коротко отвечал он. – Это просто описание обрядов похорон.

Она кивала и снова погружалась в своё чтение.
Просто сидела рядом.
Не мешала.
Помогала одним фактом присутствия.
Каждое утро Вильгельм уводил Вову с собой:

- На совет пойдёшь со мной. Станешь слушать. Учиться.

Но иногда утром на его месте появлялся Саша – переодетый в одежду брата.
Они почти не отличались.
Почти.

Для всех окружающих это работало.
Кроме одного.

Вильгельм, едва взглянув, говорил:

- Саша, сними одежду брата и не позорься. Ты думаешь, я вас не отличу?

И проходил дальше, даже не смутившись.

Но он никогда не ругал их.
Никогда не запрещал игру.
Знал, что это их способ учиться.
Понимать власть.
Понимать чужие реакции.
После обеда у братьев начинались тренировки.

– Лук натягивай выше, – говорил Вильгельм, наблюдая за Сашей. – Твоя сила изменилась.
Мышцы будут слушаться иначе.

Саша усмехался:

- Если я смогу стрелять лучше Вовы – моя жизнь прожита не зря.

– Меч держи под другим углом, – говорил он Вова. – У тебя теперь и скорость другая, и чувствительность.

Иногда они устраивали дружеские дуэли.

Иногда вместе охотились.

Иногда сидели вечером за большим столом, читая свитки:

– Что бы ты предложил для укрепления отношений с западной деревней? – спрашивал дед.

– Давайте построим мост, – говорил Вова. – Они жалуются, что через реку переходить трудно.

– А давайте им школу откроем, – предлагала Василина. – Чтобы дети учились.

– А давайте... – Саша начинал было, но Вильгельм сразу поднимал бровь. – Ладно. Мост – так мост.

Дни текли ровно и одинаково.

Тихо.

Спокойно.

Самое интересное начиналось ночью.

Когда Дима возвращался из библиотеки, Вильгельм открывал ему дверь в свои покои и приглашал всех троих внуков:

– Идите. Послушаем, что наш маленький мудрец расскажет сегодня.

Дима, сидя на стуле, тихо, сдержанно, но уверенно объяснял:

– Ваша сила – это не просто выносливость. Она зависит от чистоты крови. Вы – обра-
щённые. Это другой уровень. У вас есть рост, но он ограничен.

Нельзя обращать людей. Если начнёте всех подряд... людей просто не останется.

Саша, лёжа поперёк кровати, слушал внимательно, хоть и делал вид, что ему скучно.

Вова сидел на полу и записывал кое-что на клочке бумаги – пытаясь выглядеть серьёзно.

Василина сидела в кресле, укрывшись пледом, потому что вечерами ей становилось зябко.

Однажды вечером Саша заявил:

– Сегодня утром... э-э... это было случайно! – он поднял руки, будто защищаясь. – Ну, я... развлекался с кухаркой. Ну... с той, моей любимой, ты знаешь...

Василина резко повернула голову:

– Саша! Не надо такое говорить при ребёнке!

Саша закатил глаза, продолжил, понизив голос:

– Я... прикусил её. Совсем чуть-чуть. Так, по ошибке. И я... почувствовал разницу. И вот что хочу спросить.

Он повернулся к Диме:

– Я помню вкус твоей крови. И... она была гораздо вкуснее. Намного. Почему?

Дима задумчиво сложил руки.

– Чем чище кровь, тем она вкуснее.
Кухарка – обычный человек.
Я – нет.

Саша присвистнул:

– Значит, ты у нас чистокровный?

Дима слегка кивнул.

– Можно и так сказать.

Вова тихо проговорил:

– А мы тогда... кто?

– Обращённые. Изменённые. Люди, получившие часть силы, но не её источник.

Саша спросил:

– А как нам... развивать способности? Ты говорил, что у каждого может быть свой дар.

Дима кивнул:

– Да. И чем больше вы занимаетесь телом – тем быстрее растёте.

Музыка особенно полезна.

Ваш слух обострится.

Ритм поможет контролировать внутренние изменения.

Меч – помогает чувствовать скорость.

Танцы – учат пластичности.

Даже письмо и чтение могут развивать отдельные аспекты.

Вова облокотился на стену:

– То есть, если я научусь играть на лютне, я стану сильнее?

– Гораздо сильнее, – ответил Дима спокойно. – Ты удивишься, насколько.

Саша рассмеялся:

– Вова с лютней! Вот это я хочу увидеть!

Так прошли недели.

Дима читал.

Искал.

Не находил.

Но не сдавался.

Саша и Вова росли в силе, как будто их тела просыпались.

Василина училась владеть собой, и её спокойствие становилось почти королевским.

А Вильгельм каждый вечер слушал мальчика, будто слушал древнего пророка.

Однажды, уже почти закончив оставшиеся тома, Дима нашёл историю, которая зацепила его так, что он прочитал её трижды.

Речь шла о древнем селении, куда якобы богиня спустилась с небес. Она очаровала одного мужчину и жила у него несколько ночей – пять или семь, летописец писал неуверенно. Потом демон, рассердившийся на богов, забрал её обратно. Мужчина, потеряв её, сошёл с ума от горя и вскоре умер.

Дима по мере чтения всё сильнее мрачнел.

Слишком похоже.

Женщина, спустившаяся “с неба” – Люсиль.

Мужчина, к которому она ушла – вождь.

Демон, который пришёл за ней – не демон, а Онсама.

Схема совпадала пугающе чётко.

Он пролистал дальше.

В конце книги говорилось, что на том месте построено священное училище для мальчиков. Место, куда невозможно попасть, если ты не посвящённый. Место, где раз в сто лет боги спускаются на землю.

И тут в голове Димы вспыхнуло:

Один год у них – сто земных.

Значит... это о нём и Инисе.

На последней странице была грубая карта – нарисованная явно кем-то из аббатства. Тропа, звёзды, ориентация по холмам. Это место находилось не так далеко.

Дима долго смотрел на карту, потом тихо сказал:

– Я схожу туда.

Он вышел из библиотеки вечером и сказал Вильгельму:

– Я нашёл то, что искал. Завтра покину аббатство.

Вильгельм спокойно кивнул:

– Утром тебе приведут коня и дадут золото. Отдохни эту ночь.

Но когда Дима уснул, Вильгельм приказал:

– Заприте дверь. Снаружи поставьте затвор. Чтоб не вышел.

Слуги исполнили приказ. Окно в комнате отсутствовало – каменные стены, голые, толстые.

Вильгельм был уверен: мальчик останется.

Он не знал только одного.

Для чистокровного стены – не препятствие.

Утро пришло тихо, будто чужое. Дима проснулся ещё до рассвета – привычка, выработанная за время жизни в аббатстве. Он накинул плащ, подошёл к двери и слегка толкнул её ладонью.

Дверь не поддалась.

Заперто.

Он замер на секунду. Потом – тонкая, почти незаметная улыбка растянулась на его лице.

– Ну конечно, – тихо сказал он, даже не злой, а скорее Смущенный.

Он выдохнул, собирая силу, словно поднимая её из глубины тела. Оделся в свою старую одежду – ту самую, в которой когда-то пришёл сюда. Ткань за месяц выцвела и потеряла новизну, но это был он сам, настоящий, без навязанной аббатской тишины.

Рука легла на материнское ожерелье – единственная вещь, которая всегда была с ним. Тёплая, родная.

Он закрыл глаза.

И в следующую секунду – исчез.

Трансгрессия рванула воздух, и он оказался в лесу – среди сырого утреннего тумана, запаха хвои и влажной земли. Как будто выдохнул впервые за долгие недели.

Он сделал шаг вперёд.

Без коня.

Без золота.

Без припасов.

Ему ничего не было нужно.

Он шёл по той самой тропе, указанной на старой карте в книге, сверяя звёзды, ориентируясь по памяти. Лес тянулся бесконечно, туман сливался с облаками, деревья словно шептались между собой, наблюдая за маленькой фигурой, идущей уверенно, как будто сама тропа была ему знакома с рождения.

В это же утро Вильгельм сидел за большим дубовым столом. Саша и Вова уже ели, лениво споря о чём-то, Василина листала свиток, делая вид, что не слушает их ссору.

Но Вильгельм заметил главное:

Дима не спустился.

Он дёрнул бровью. Подумал: слуги забыли открыть дверь. Ничего страшного. Но что-то внутри кольнуло.

Он поднялся.

Внуки переглянулись, но никто ничего не сказал.

Вильгельм поднялся по лестнице медленно – тяжелым, размеренным шагом, как человек, который заранее знает, что увидит не то, что хочет.

Он открыл массивную дверь своей рукой.

Комната была пуста.

Кровать аккуратно заправлена.

На столе пусто.

Ни вещей, ни его тени.

Даже следов присутствия – будто мальчика и не было.

Вильгельм выдохнул тихо, почти с уважением, хотя и с долей раздражения:

– Чистокровный...

Он знал, что такое существо невозможно удержать стенами. Знал, но надеялся. И всё равно – проиграл.

Тем временем Дима всё шёл.

Погода менялась – то снег, то дождь, то холодные ясные ночи со звёздами. Он почти не пользовался трансгрессией – берег силы, да и хотел пройти путь как человек, как странник. Месяцы тянулись, но его это не тяготило.

Он становился сильнее.

Он становился спокойнее.

И всё ближе подходил к тому месту, о котором читал.

И наконец, в один из пасмурных дней, когда воздух висел неподвижной серой пеленой, он вышел к холму. На его вершине стояло древнее строение.

Дима остановился у подножия холма.

Это было то самое место.

Дима не сразу понял, что перед ним – здание. Сначала оно показалось частью холма: огромное, овальное, будто выросшее из земли. Его стены были из тёмного дерева, почти чёрного от времени, гладкого, как отполированного многими поколениями рук. Никаких резных украшений – только сама форма: вытянутая, овальная, напоминающая огромное яйцо или чрево, в котором хранится что-то священное.

Из узкого дверного проёма то и дело выходили мальчики и юноши. Дима замер в тени кустов и некоторое время просто наблюдал.

Мальчишки лет семи носили вёдра с водой.

Юноши постарше пилили древесину и укрепляли забор вокруг холма.

Кто-то стриг кусты, превращая их в ровные круглые формы.

Кто-то чистил дорожки от прошлогодней листвы.

И все – сосредоточенные, спокойные, будто их жизнь была простой, но важной частью чего-то большего.

За холмом Дима увидел озеро. Оно было неглубоким, но странно манящим: гладкая поверхность отражала бледное весеннее солнце, а маленькие зелёные островки, словно аккуратно рассыпанные по воде, придавали пейзажу нереальность. Всё вокруг цвело – и лес, и трава, и кусты. Воздух пах свежей листвой и тёплой землёй.

Дима задержал дыхание.

Эта картина была слишком мирной для того, что он искал... и оттого ещё более подозрительной.

Он сделал шаг назад – и услышал голоса.

По тропинке поднимались трое мальчишек. Лет четырнадцать, не старше. Они смеялись над чем-то своим, толкая друг друга плечами, пока не заметили стоящего в стороне незнакомца.

Они остановились.

Оценили его взглядом – быстрым, настороженным.

Один сказал:

– Ты не из наших. Потерялся?

Дима покачал головой:

– Нет. Я хочу попасть туда. – Он указал на овальное здание.

Мальчишки переглянулись – недоверчиво, но не грубо.

Один из них прищурился:

– Ты... хочешь учиться?

Дима легко кивнул.

– Да.

Ещё один спросил:

– А сколько тебе лет?

– Семь.

– А где твои родители? – спросил третий, уже мягче.

Дима ответил просто:

– У меня их нет.

Мальчишки снова переглянулись – но теперь уже сочувственно, без настороженности.

Самый высокий пожал плечами:

– Тогда... ладно. Пойдём. Отведём тебя к наставникам. Они решат.

И без лишних вопросов они двинулись вперёд, а Дима тихо пошёл следом, чувствуя, как внутри него нарастает странное, напряжённое предвкушение.

Они завели Диму внутрь и, пройдя через длинный коридор, выцепили одного из наставников.

Пока Дима шёл мимо других мальчишек и парней, он заметил, что все они одеты одинаково: льняные рубашки, лёгкие льняные брюки, простая кожаная обувь. Стрижки – тоже одинаковые. Волосы длинные, но аккуратно подстриженные – ровно до ушей, будто каре. И лица... все словно сделаны по одному образцу, спокойные, собранные, бесстрастные.

Это на секунду напомнило ему детей из лаборатории Луки. Но Дима не подал виду. Только глубже вдохнул и прошёл дальше.

Внутри всё было слишком чистым. Настолько чистым, что даже в доме Вольфгангов было не так. Хотя Вильгельм постоянно ругал служанок за малейший слой пыли или плохо протёртый угол – всё равно там не было такого порядка.

А здесь...

Здесь всё стояло будто по линейке: мебель ровная, дерево натёрто до лёгкого блеска, ни пылинки, ни паутины. В воздухе витал запах каких-то цветов – свежий, едва уловимый, но постоянный.

Диму привели в небольшую комнату, где сидели несколько наставников – мужчины и женщины. Они что-то перебирали, раскладывали, обсуждали между собой. На улице, Дима видел, стояли ещё двое взрослых – значит, часть учителей была снаружи, часть внутри. Но его привели именно к этим.

Мальчики, что привели его, вошли и слегка поклонились. Наставники подняли глаза.

– Кто это у нас? – спросил один из них, оглядывая Диму.

Дима тихо вдохнул и сказал, что хотел бы учиться у них. Но голос вышел неуверенным. Он сам до конца не понимал, куда именно пришёл и что просит. Но делал вид, что уверен, потому что ему нужно было узнать об этом месте как можно больше.

Особенно – есть ли тут книги, упоминания или записи о Люсиль, о её приходе в этот мир.

Наставники переглянулись.

– Почему тебя не привели родители? – спросила женщина.

– У меня их нет, – ответил он.

– У нас обучение стоит... – мужчина поджал губы, – золота. Бесплатных мы не берём. Если ты сирота, мы... конечно, сожалеем. Но без оплаты мы не можем принять тебя.

Дима достал материнское ожерелье, положил на стол и спросил:

– Этого достаточно?

Наставники снова переглянулись, уже иначе.

– Украл? – спросил мужчина осторожно, но недоверчиво. – Откуда у тебя такая вещь?

– Не крал. Это осталось от матери.

Они не поверили – или сделали вид, что поверили. В их взглядах скользнула мысль: мальчик, скорее всего, где-то стянул украшение, ему негде жить, вот он и просится в школу.

– Мы подумаем, – сказал мужчина.

Одному из мальчиков велели отвести Диму в столовую и накормить. Ожерелье наставники оставили у себя.

Дима только кивнул.

В столовой он почти не ел. Немного смушался, чувствовал себя чужим.

Через время подошла наставница.

Она уже говорила уверенно, с решением:

– Мы обсудили. Мы тебя принимаем. Но тебе придётся очень стараться, иначе ты отсюда вылетишь.

Потом обернулась к мальчику, что сидел рядом.

– Мы выделим тебе наставника среди учеников. Кого-то, кто покажет всё и объяснит. Ты пришёл в середине учебного цикла, у нас нет времени водить тебя самим. Он будет твоим союзником в первое время.

Она посмотрела на того, кто привёл Диму в столовую.

– Иди позови Майя. Он способный. Думаю, он сможет объяснить ему всё, что нужно, и если что – помочь.

Парень кивнул и побежал на улицу.

Через несколько минут мальчик, отправленный за Майем, вернулся не один.

За ним шёл худощавый, аккуратно одетый мальчишка – один из тех, что выделялись взглядом.

Майю было чуть больше семи лет.

Стрижка – такая же, как у остальных: ровная, под одну длину, закрывающая уши.

Но волосы у него были тёмно-пепельные, переливающиеся серебристым оттенком, и из-за этого казались особенно гладкими и мягкими.

Глаза – ярко-зелёные, чистые, внимательные, почти сияющие.

Со стороны его лицо выглядело холодноватым – спокойный, собранный ребёнок с выражением взрослого смирения.

Но когда он подошёл ближе, он улыбнулся – тепло, искренне, открыто.

Наставник жестом подозвал его:

– Майя, вот тебе привели нового друга.

Ты у нас самый способный среди младших. Поэтому возьми его под опеку.

Объясни ему, что здесь делают, какие правила, чем мы живём.

Покажи всё, куда ходить, что можно, что нельзя.

И помоги ему переодеться – дай что-нибудь из своей одежды, пока ему не сошьют новое.

Майя кивнул:

– Да, наставник. – И повернулся к Диме. – Пойдём. Я отведу тебя в свою комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.